

С.А.Яценко, В.Ю.Малашев

О ПОЛИХРОМНОМ СТИЛЕ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ САРМАТИИ

S.A. Yatsenko, V.Yu. Malashev. On the Polychromic Style of the Late Roman Time in Sarmatia.

The article studies a range of items typical of the Northern Black Sea Coast and belonging to the polychromic style (also inaccurately called «cornelian») (pls. 2-4 + Catalogue). It is usually characterized by insertion of a large flat polished cornelian and a genuine list of stamped geometric decoration elements on the external plate. The authors do not attempt finding the place of origin of these items in other regions (all the findings on the territory from Iran to the Balkan peninsula cited in literature are very remote «prototypes» and analogs: pl. 6, 2-4). The detected centers of their production were Panticapaeum and Chersonese Tauricus, with local peculiarities in each of the two. The items of this style were produced, according to the dates proved by V.Yu. Malashev (Malashev, 2000), by four chronological groups (periods). The chronological group 1 (period II b – 2nd half of III c. A.D.) produced mainly articles of female costumes for the barbarians of the Western Crimea, while the groups 2 (period IIIa – late III – 1st third of IV cc.), group 3 (period IIIb – 2nd third IV c.A.D – 372/375 – before the Hunns' arrival) and group 4 (not earlier than mid. IV – early V cc.) mainly produced military equipment (harness, swords and daggers, belt buckles). Similar articles were worn by the local barbarised and barbarian population of the cities (especially in Panticapaeum), though the major part of these articles was meant to be gifted to the barbarian elite of the Steppes, and exclusively for the Iranian-speaking groups: Alans and «Tauro-Scythians» (the neighbouring Germans and Caucasus mountaineers did not use them at all). The noble graves containing these articles and found in Panticapaeum also have Sarmatian-Alan features (the bridle has tamga-signs of Sarmatian-Alan clans, bridle and swords were found in the graves of noble women, etc.) The style reaches its peak in the group 3, when articles of various destinations were produced, they increased in number and their decoration became most various.

The spread of the articles at different stages (pl. 1) partly reflects military and political rivalry of Panticapaeum and Chersonese Tauricus. At first the Bosphorus supplies were meant for the Alans of the Central Caucasus foot mountains (articles of the group 2). Later, the Bisporian Kingdom, after being defeated in three wars, sought allies among the nomads of the Low Don area (group 3) (the earlier period there yielded items produced in Chersonese). It was the time, probably, when these nomads became less dependant on the Alans of the Central Caucasus foot mountains. Some findings of the groups 2 and 3 are documented in the mouth of Danube, on the lands of the «European Alans» dependant on the Goths. After the Hunns' intrusion separate items manufactured in this style reached the north (up the Volga river - Brody) and even Central Asia (Tugozvonovo in the mountains of Altai) where they were used and probably processed.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ «СЕРДОЛИКОВОГО» СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ. Н.Э.

Ювелирные стили, популярные среди «варварских» племен Юго-Восточной Европы в римское время, сегодня изучены весьма неравномерно. Это касается как их возникновения и оформления, так и их чисто художественной характеристики. Наибольшее внимание ученых до сих пор привлекал т.н. «бирюзово-золотой звериный стиль» I – нач. II вв. н.э. (Клейн 1976; Засецкая 1980; Засецкая 1989; Мордвинцева 1996; Treister, Yatsenko 1998; Яценко 2000). Сегодня его можно считать сравнительно неплохо изученным. Хуже исследован пока золото-гранатовый стиль сплошной перегородчатой инкрустации («клуазонне»); он характерен для гуннской эпохи, но наиболее ранние изделия его появились в Северном Причерноморье, на наш взгляд, уже во 2-й трети IV в.н.э. (см., прежде всего: Засецкая 1975; Засецкая 1982; Засецкая 1993: таб. 6; Бажан, Щукин 1990; Малашев 2000). Совершенно неизученным остается полихром-

ный стиль II-III вв., включающий единичные вставки гранатовых кабошонов, орнаменты из зерни и напаянной филигранной «плетенки».

Наконец, еще один стиль римского времени (со вставками шлифованных сердоликов и цветного стекла, золотой плакировкой бронзовой или серебряной основы и тисненым орнаментом, состоящим из крестиков, звездочек, кружков, треугольников из псевдо-зерни, полос рубчиков, жгутов, зигзагов и т.д.) в начале 70-х годов привлек внимание такого талантливого ученого, как А.К. Амброз. В своей докторской диссертации (Амброз 1974) он датировал его 2-й пол. III в. н.э., с возможным заходом в IV в., и охарактеризовал как античный по характеру и «общепровинциальный» (Амброз 1992: 8-9), а также как позднесарматский догуннский (Амброз 1989: 22-29). В дальнейшем почти все комплексы с находками этого типа были отнесены М.М. Казанским к IV в. (Казанский 1994: 241).

Внимание исследователей к этому стилю стало более заметным со 2-й половины 80-х годов. В одном из докладов 1986 г. Е.Л. Гороховский назвал его «сердоликовым стилем» (Гороховский 1988: 19), что поддержано другим киевским археологом – А.В. Симоненко (Симоненко 1999: 19-20), и датировал его сер. III – 1-й пол. IV вв. н.э., а в 1994 г. назвал его «сирийско-боспорским инкрустационным стилем поздне-римского времени»; А.И. Айбабин предложил назвать его «сармато-аланским полихромным стилем» (Айбабин 1994: 95).

О происхождении полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. в литературе последних двух десятилетий высказывались самые разнообразные мнения. Его связывают то с аланскими группами, участвовавшими в скифских войнах III в. н.э. на территории Римской империи (Гороховский 1987: 59), или с вовлеченными в те же события германцами (Айбабин 1994: 95), то с

заимствованиями из сасанидского Ирана, проникшими на Боспор, а оттуда – на Дунай (Шаров 1995: 20), то, напротив, выводят из дунайских провинций Империи и считают, что оттуда этот стиль «распространился и на Крым» (Амброз 1992: 9). Высказывалось также мнение, что этот конкретный стиль распространялся из разных пунктов, а концентрация его находок в Северном Причерноморье (и особенно – в городах Крыма), якобы, случайна и объясняется лишь особенно тщательной изученностью этого региона (Soupault-Besquelein 1999: 303).

При любом подходе трудно отрицать вполне очевидный факт: сколько-нибудь точных аналогий северопричерноморским изделиям нет ни в провинциях Империи, ни в Иране (см. ниже). Вполне очевидно и то, что ни в одном комплексе Северного Причерноморья, достоверно связываемым с германскими этносами, подобные изделия не обнаружены.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Мы в своем очерке не преследуем глобальных целей (беглое решение вопросов о происхождении того или иного ювелирного стиля Евразии и «окончательное» – о механизмах его распространения и т.п.). Создаем же открыто: мы не знаем, каково именно происхождение причерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв., и даже не собираемся обсуждать этот вопрос¹. Целый ряд объективных причин мешает пока ответу на него (среди них – крайне слабая, односторонняя изученность территории сасанидского Ирана и отсутствие системной характеристики собственно причерноморского стиля).

Для хотя бы частичного разрешения этой проблемы сегодня необходимо провести большую предварительную работу: 1) составить Каталог причерноморских вещей данного стиля², 2) системно охарактеризовать его художественные особенности, 3) уточнить датировку содержащих их комплексов, 4) проследить эволюцию стиля в припонтийском регионе до гуннского вторжения, 5) выявить центры производства, 6) определить этнополитическую принадлежность его потребителей. Именно на эти вопросы мы пытались ответить в предлагаемом ис-

следовании.

Поскольку главной задачей статьи является именно изучение художественного стиля, это отразилось на составе Каталога и иллюстрирующих его рисованных таблиц. В них не характеризуется конструкция изделий (ее анализ составляет тему особого исследования), и обычно – степень их сохранности. Материал основы изделий и их покрытия указан в тех случаях, когда мы располагаем сведениями о нем. Иллюстрации на таблицах 2 и 3 пронумерованы в соответствии с Каталогом и соотнесены, в тех случаях, когда это возможно, с определенными хронологическими группами. Некоторые вещи, приведенные в Каталоге, давно и бесследно исчезли; другие найдены недавно, не опубликованы и не могут быть использованы нами в виде прорисовок. Значительная часть вещей из раскопок XIX и нач. XX вв. – беспаспортная; однако и материал из всемирно известных керченских комплексов 1837 и 1841 гг. был документирован уже в первых изданиях и в описях при поступлении в Эрмитаж с известной путаницей. Ряд спорных вопросов рассмотрен нами в *пограничных примечаниях* к Каталогу.

ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Значительная часть работы в этом направлении была проделана в последние годы М.М.Казанским (Казанский 1994: 239-243) и одним из авторов данной статьи³.

Появление предметов, выполненных в полихромном стиле, приходится на время не ранее 2-й пол. III в. (Амброз 1989: 23-24; Bezuglov 1995 и др.). В отношении верхней хронологической границы существования подобных вещей пока нет единого мнения. Рассмотрим хронологию комплексов, где

встречены эти изделия. Изучаемую совокупность погребений и отдельных находок можно представить в виде 4-х групп, которые мы соотносим с предложенной одним из авторов периодизацией ремесленных гарнитур позднесарматского времени (Малашев 2000).

К наиболее ранней группе 1 (синхронной II b по В.Ю. Малашеву) следует отнести находки серег⁴, браслетов и «медальон» из могильников Крыма: погребения 3 и 35 Черной Речки и мог. 24 Дружного (Кат. №№ 33, 35, 38-39, 41). В

погребении 35 на Черной Речке были найдены двучленная лучковая и прогнутая подвязная вар. 1 фибулы (Амброз 1966: 53). Последние, главным образом, характерны для раннего этапа черняховской культуры, при этом иногда они могут встречаться и позднее, доживая до IV в. (Гороховский 1988: 42-43; Амброз 1994: 33; Гей, Бажан 1997: 42). Хронологически близок погребению 35, видимо, и комплекс погребения 3 этого же могильника, где находились серьги и «медальон» (предмет в виде прямоугольной пластины с двумя петлями на одной из сторон). Могила 24 из Дружного, помимо вещей, датированных не ранее 2-ой пол. III в. (лучковая двучленная фибула), содержит зеркало-подвеску с боковой ручкой. Основным период их распространения приходится на более раннее время, однако такие зеркала на территориях к западу от Дона встречаются и позднее (Храпунов, Мяскин 1998: 143). Монеты сер. III в., обнаруженные в этих комплексах, жестко указывают лишь на нижнюю дату погребений. Датировка этой группы может рассматриваться как **2-я пол. III в.** К этому же времени может относиться находка серег из склепа 2 Дружного (Кат. № 37), связанная с одним из наиболее ранних захоронений.

Более позднюю хронологическую позицию занимают такие комплексы как Кишпек, кург. 13, Градешка кург. 9, Аэродром I, кург. 2, вещи из разрушенного погребения у Маркштадта, находка у ст.Тимашевской. Они включены в состав **группы 2**, синхронной **III а** по В.Ю.Малашеву. Их связывает, в первую очередь, наличие в комплексах следующих вещей: пряжек со щитками овальной формы (сближающие эти образцы с пряжками типа «Келлер А»), язычки которых (прямые или слабо прогнутые) имеют невысокий уступ у основания; двухчастных наконечников-подвесок с треугольным расширением в нижней части подвески; одночастных наконечников, выполненных в полихромном стиле (там же). Нижнюю границу (**кон. III в. – рубеж III-IV вв.**) можно определить, исходя из хронологии пряжек с овальным щитком, близких «Келлер А» (Keller 1971: 45-51, 58, 59; abb. 18, 1), относящихся, по М.М.Казанскому, ко времени не ранее IV в. (Казанский 1994: 240, 241). К близким выводам пришел О.В.Шаров, аргументируя их появление на рубеже III-IV вв. (Шаров 1992: 175, 176). При этом, даже с учетом точек зрения других исследователей, сдвигающих дату появления данных пряжек в более раннее время, их появление может рассматриваться не ранее **финала III в.** (см. Казанский 1994: 240, 241). Верхняя хронологическая граница (1-я четв. – 1-я треть IV в.) совпадает с нижней границей *следующей* группы, которая будет рассматриваться далее.

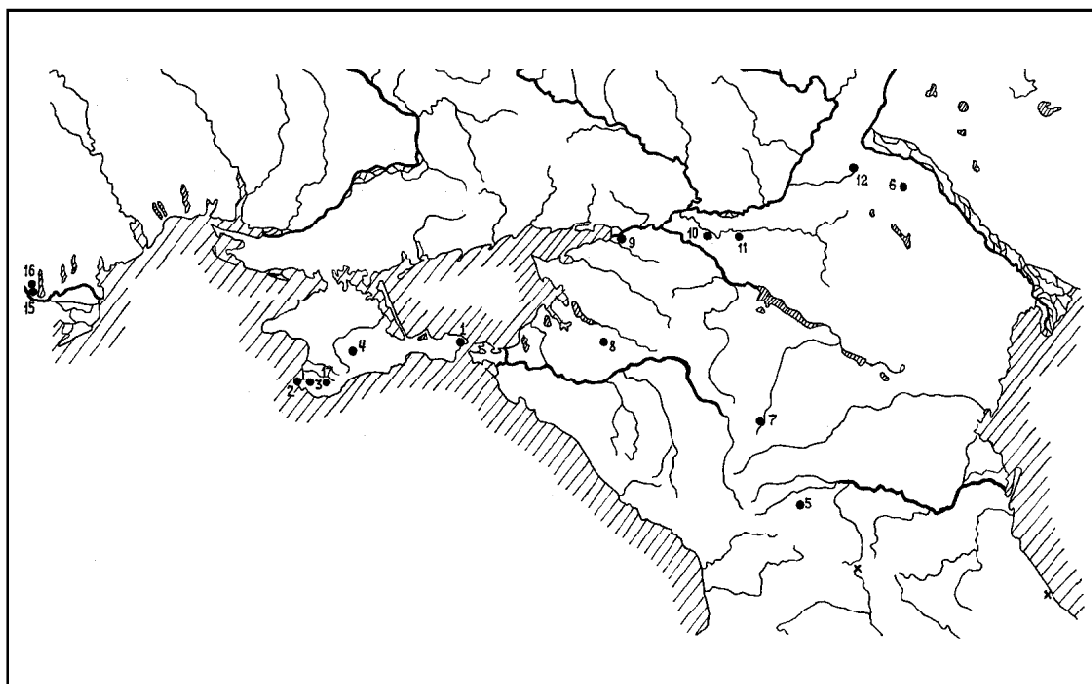
Включение в группу комплекса из тайника кург. 2 Аэродрома I осложняется по двум причинам: из-за отсутствия язычка на пряжке с овальным щитком (он заменен железным неясной морфологии) и отсутствия щитка на другой пряжке

(Малашев 2000). Гробница 1837 г. (Древности 1854, ч. II: 26-28; ч. III: таб. III, 5; XXVII, 7; XXIX) может синхронизироваться как с данной группой, так и с более поздней – группой 3 (соотносимой с III b по В.Ю.Малашеву). С погребениями последней ее сближают особенности сбруйного набора – прямоугольные бляхи, идентичные бляхам из гробницы 1841 г. по В.Шкорпилу (см. ниже). Таким образом, предметы упряжи из Аэродрома, а также материалы из керченского склепа 1837 г. и вещи из коллекции Л.А.Бертье-Делагарда могут относиться как к рассматриваемой группе, так и к последующей.

Погребения из Керчи – 1841 г. по А.Б. Ашику, 1841 г. по В.В. Шкорпилу и покупка 1891 г. (Кат. №№ 3, 5, 7-9, 11, 19, 36), а также комплексы из кург. 8 Комарова II и кург. 5 в Чауше входят в состав следующей, более поздней **группы 3** (синхронной **III b** по В.Ю. Малашеву). Она выделяется по пряжкам с овальным щитком, язычком, лишенным прогиба, большей длины (охватывают кольцо рамки, доходят до середины ее сечения) и с высоким уступом у основания или рельефным выступом, а также по двучастным наконечникам-подвескам с секировидным расширением в нижней части (Малашев 2000). Абсолютная датировка группы III b может опираться на находки предметов черняховского импорта из нижнедонских погребений, связанных между собой и вышеупомянутыми комплексами в единый компактный круг взаимодействия (там же: рис.1): двучленных прогнутых подвязных фибул вар. 2, трехслойного гребня с подтреугольной спинкой, крупной железной «воинской» фибулы. *Нижняя* граница этой группы, скорее всего, приходится на **2-3 десятилетие IV в.**, что обосновывается существованием всех перечисленных хронологических индикаторов в период, синхронный центральноевропейскому С 3 (Там же). Верхняя ограничена началом гуннской эпохи.

Значительная часть вещей из находок 1918 г. (Кат. №№ 12, 18, 22) характерна для группы III b (Малашев 2000) и связана с догуннским временем. При этом, по наблюдению М.М.Казанского, в составе коллекции имеется пряжка с длинным хоботковидным язычком гуннского периода (Казанский 1994: 240). Для нас важно то, что дошедший до нас набор в целом существенно отличается от инвентаря склепов некрополя Боспора гуннской эпохи (Засецкая 1993).

В погребениях рассматриваемой группы встречены и предметы, выполненные в технике перегородчатой инкрустации «клуазонне». В комплексе из кург. 8 Комарова II, по составу и стилистике предметов сбруйного набора чрезвычайно близкого покупке 1891 г. из Керчи, найдены вещи в технике перегородчатой инкрустации «клуазонне» с цветовой гаммой, аналогичной той, которая свойственна рассматриваемому в данной работе стилю и отлична от таковой стиля гуннского времени. Еще один предмет в

Таб. 1. Пункты находок изделий северопричерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. н.э.:

1 – Пантикапей / Керчь; 2 – Херсонес / Севастополь; 3 – Черная речка, могилы 3 и 35; 4 – Дружное, могилы 24 и неизвестный №; 5 – Кишпек, курган 13; 6 – Купцын Толга, курган 30; 7 – Веселая Роща III, курган 8; 8 – Тимашевская; 9 – Аэродром I, курган 2; 10 – Комаров II, курган 8; 11 – Новый, курган 108; 12 – Абганерово II, курган 33; 13 – Маркштадт; 14 – Броды, курган 25; 15 – Чауш, курган 5; 16 – Градешка, курган 9; 17 – Суворово, склеп 38/3.

подобной технике из этой группы – навершие из гробницы 1841 г. по А.Ашику (Кат. № 19).

В состав наиболее поздней **группы 4** можно включить пряжки из кург.33 Абганерово, кург.108 Новый, кург.25/1 Броды⁵ (Кат. №№ 29-31), а вне пределов Сарматии – находку у Брюхановского выселка (Пермская обл.) и комплекс с далекого Алтая (Тугозвново: см. ниже специальный раздел). Формально предметы из Тугозвново вошли в группу III б, но хронологически позже других составляющих ее комплексов (Малашев 2000). Обращают на себя внимание и стилистические особенности пряжек и наконечников. От группы степных северопричерноморских и керченских древностей (а также от вещей из Кишпека) их отличает обильное использование настоящей (а не псевдо-) зерни, в первую очередь – в окантовке вставок, а также более частое применение такого приема в оформлении щитков пряжек как несколько мелких вставок различной формы. Важно отметить, что оформлению подвергаются щитки пряжек овальной формы, в то время как в северопричерноморских и керченских комплексах предшествующего времени такие изделия не известны; здесь декорировались щитки пряжек только прямоугольной формы. Пряжки, помимо вышеперечисленных признаков, объединяет и окантовка по периметру «плетенкой» золотого листа, обтягивающего щитки. Курган 25/1 Бродовского могильника отнесен Р.Д.Голдиной к горизонту наиболее ранних (группа А), датируемых кон. IV – нач. V вв. (370-425 гг.) (Голдина 1991: 168-169). Пряжки с

овальными щитками из кург. 108 могильника Новый, судя по язычкам с рельефными выступами у основания, характерны для комплексов не ранее группы III б. Абганеровский комплекс, скорее всего, синхронизируется с этими находками.

Несколько особняком, вследствие особенностей декора, стоит находка пряжки с овальным щитком и вставкой из крупного сардоникса в кург. 8 могильника Веселая Роща III. Судя по язычку, эта пряжка должна синхронизироваться с вещами группы IIIа. Однако такие язычки в единичных случаях могут встречаться и позднее – в комплексах группы III б (Малашев 2000).

Таким образом, и территориально (к востоку от Дона) и хронологически, исключая пряжку из Веселой Роши (комплексы **не ранее середины IV в., с возможным заходом в нач. V в.**) (Малашев 2000), эта группа вещей выглядит обособлено от остальных предметов полихромного стиля и может рассматриваться как *локальная*. Еще раз отметим, что щитки пряжек в полихромном стиле данной группы (овальные) отличаются по форме от более ранних полихромных (прямоугольных) щитков из Пантикапея и степных комплексов.

Безусловно, эти наблюдения сделаны на достаточно ограниченном материале⁶ и требуют дальнейшей проверки. Независимо от будущего уточнения абсолютной хронологии выделенных групп, для нас важны, в первую очередь, их *относительная* хронология и последовательность.

ЦЕНТРЫ ПРОИЗВОДСТВА

Уже утвердилось мнение, что такие, довольно сложные по технологии изделия, производились исключительно в столице Боспорского царства *Пантикапее* (Керчь). Идея боспорского центра полихромных изделий для различных периодов развивалась еще М.И. Ростовцевым (Ростовцев 1925: 557). Это же предполагалось в отношении гранатового «клуазонне» гуннского времени (Засецкая 1986: 25-26), но в дальнейшем эта точка зрения была изменена (Засецкая 1994: 73). Недавно И.О. Гавритухин обра-

тил внимание на предмет, найденный в разновременном строительном мусоре у базилики в XXV квартале *Херсонеса*. Это бронзовая пластина – *матрица* для изготовления наконечника ремня упряжи в полихромном стиле (таб. 5, 1). Декору нашей пластины есть *точное соответствие* в одной из аланских могил в низовьях Дона (Аэродром I: Кат. № 2). Следовательно, весь стилистически единый набор упряжи из этого комплекса – скорее всего, херсонесского производства.

КАТЕГОРИИ ВЕЩЕЙ

Перечень изделий изучаемого стиля очень ограничен. Прежде всего, это предметы парадной *конской упряжи* из мужских (в редких случаях – женских) ⁷ погребений, обычно – наконечники ремней, подвески, зажимы и пронизи (Каталог, а – 15 комплексов) ⁸. Почти столь же часто изготавливались такого типа *поясные пряж-*

ки ⁹ с прямоугольными или овальными рамками (Каталог, с – всего 14 комплексов). Гораздо реже встречаются декорированные подобным способом мечи и кинжалы (Каталог, b – 3 комплексы) и такие аксессуары костюма, как браслеты, серьги, «медальоны» и диадемы (Каталог, d, e, f, g – вместе 11 комплексов).

СЕРИЙНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА. КОМПЛЕКТЫ ИЗДЕЛИЙ

Конская упряжь в этом стиле производилась (по крайней мере, в двух случаях) *сериями*. Так, бронзовой матрице из *Херсонеса* для подвески ремня (таб. 5, 1) точно соответствует подвеска упряжи из района устья Дона (Аэродром I: таб. 2 а, № 2, VII). В двух богатых керченских могилах (1837 г. ¹⁰ и 1841 г. по В.В. Шкорпилу) мы встречаем идентичные небольшие прямоугольные, богато декорированные бляшки упряжи (таб. 2 b, № 7, VIII; № 9, VIII). Вероятно, партиями производились и отдельные формы пряжек и браслетов, но из-за фрагментарности уцелевших материалов проверить это предположение пока невозможно.

Комплектование наборов полихромных деталей можно проследить на таких изделиях, как конская уздечка и нагрудный ремень. Это легко сделать на примере немногих достаточно полно сохранившихся наборов (Кат. №№ 2-5, 8; таб. 2, а-b), созданных в разное время и найденных в разных районах Сарматии. Комплект нельзя

назвать вполне устойчивым. Во всех названных случаях представлены только прямоугольные пластины зажимов псалиев (таб. 2, VI) и прямоугольные пронизи упряжи (там же, IV) ¹¹. В раннем комплексе Кишпека известны 2 оригинальных по форме подвески нагрудного ремня (в форме диска и ромба с прямоугольным выступом) (таб. 2, № 4, I и III). В наиболее поздних погребениях иногда отсутствуют круглые пронизи узды и прямоугольные наконечники нагрудного ремня с заостренным нижним торцом (там же, VII) (Комаров), дисковидные пронизи (V) и дисковидные бляхи нагрудного ремня с прямоугольным выступом (II) (Керчь 1841 г.; Комаров), но в тех же двух погребениях есть оригинальные типы полихромных пронизей. В таких поздних комплексах, как Чауш и керченский 1841 г., найдены каплевидные подвески нагрудного ремня с прямоугольным выступом (III). Наконец, только в Чауше известны *наплечные фалары* в полихромном стиле (таб. 2, № 5, I).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ. Н. Э.

Исследователи при описании данного стиля ограничиваются очень краткой характеристикой (Амброз 1989: 23-24; Амброз 1992: 9; Айбабин 1994: 94; Шаров 1995: 20), что кажется явно недостаточным.

Металлическая основа. Предметы этого стиля изготавливались в довольно сложной технике со штампов-матриц. Они представляют собой бронзовую или серебряную пластину-подкладку и *внешнюю* серебряную позолоченную или

золотую пластину (на которой через матрицу прочеканивался орнамент). Предметы конской упряжи часто двухслойны и полые внутри (по-скольку предназначались для продевания ремней); обе пластины соединялись на концах бронзовыми заклепками, которые также плакировались золотом или золотились. В *Херсонесе* известны и отдельные вещи с оригинальным по конструкции коробчатым корпусом: подвеска упряжи и пряжка (ГИМ. инв. № 95570). Гнезда

для камней обычно просто прорезались в листе металла, гораздо реже – напайвались.

Вставки из сердолика или стекла разнообразны по форме. Чаще всего это единичный крупный шлифованный сердолик овальной или прямоугольной (реже – круглой) формы с плоской основной внешней поверхностью. Мелкие вставки сердоликов обычно представляют собой подработанные кабошоны (за редчайшим исключением, без огранки). Изредка, *наряду с сердоликами, видим* единичные *другие* минералы разных оттенков *красного* цвета – гранаты (Кат. №№ 4, 22), турмалин (Кат. № 17) или сардоникс (Кат. № 32)¹². Количество каменных вставок зависело как от типа изделия, так и от этапа развития стиля (см. ниже). Так, на браслетах, серьгах и пряжках (кроме единичных поздних образцов), пронизях упряжи обычно размещалось по одному камню, на некоторых подвесках упряжи – 5 или даже 10 (Кат. №№ 2, 4-5, 7-8, 10). *Стекло* бывает синего (в одном случае – лилового) цвета, воспроизводя, видимо, дорогие престижные минералы (лазурит или даже сапфир) или зеленого (реже – голубого) цвета (имитация бирюзы?). В ранних комплексах нашего стиля вставки самоцветов могли имитироваться и сравнительно дешевыми синими камнями (азурит: Кат. № 18).

Штампованный декор изделий весьма разнообразен (таб. 4). Зернь при этом (за исключением позднейшей пряжки Кат. № 30) лишь *имитируется*.

Бордюры украшены пояском из параллельных, иногда – наклонных рубчиков (чаще всего – с дополнительной гладкой полосой снаружи) или (в поздних комплексах) полосой перевитого жгута из двух «веревочек» (в одном случае – двойной). Гораздо реже встречаются дополнительно ряд точек, полоса зигзага или (только на изделиях устья Дуная) ряд мелких параллельных полумесяцев. Изредка на вещах из Керчи (Кат. №№ 10, 19) известны более сложные бордюры. *Края гнезд* для каменных вставок часто окаймлены полоской из вертикальных рубчиков, рядом точек, в единичных случаях – полукругий (Кат. № 5).

НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СТИЛЯ В ТЕЧЕНИЕ 2-Й ПОЛ. III – IV ВВ.

Отдельное изучение изделий из датированных погребальных комплексов (а также учет *аналогичных им по декору* изделий, происходящих из плохо документированных или не сохранившихся комплексов) позволяет выявить ряд *особенностей хронологических групп 1-4* внутри данного стиля.

Изделия *группы 1 (2-я пол. III в. н.э.)* известны только в варварских районах Юго-Западного и Центрального Крыма и представляют собой исключительно аксессуары костюма (браслеты, серьги, «амулеты»), производившиеся, вероятно, в соседнем Херсонесе. Для них характерно оформление бордюров в виде рядов руб-

Крупные орнаментальные композиции в центре. В ряде случаев на дисковидных или каплевидных нагрудных подвесках узды или навершиях кинжалов (Кат. № 18) представлена композиция в виде *четырёх- или шестилепестковой розетки*, с центральным элементом в которой необработанные (т.е. в виде кабошонов) мелкие сердолики (или крайне редко – гранат) сочетаются со вставками стекла синего или зеленого цвета. На некоторых поздних пряжках с овальным щитком с варварских территорий к востоку от Дона (Кат. №№ 29-30) и с прямоугольным щитком – из Керчи (Кат. № 22) встречаются сложные композиции из парных или тройных треугольников псевдо-зерни (в одном случае – Кат. № 30 – настоящей зерни) вокруг каменных вставок. Часто на предметах воинской экипировки (упряжь, пряжки) дополнительно украшены *торцы* основного орнаментального поля.

Штампованный декор основного орнаментального поля изделий содержит достаточно разнообразный перечень элементов: имитация зерни (в виде отдельных точек, их рядов, рядов из строенных точек и пар-троек сравнительно крупных треугольников); линии из 2-3 или более точек с выпуклым кружком в центре; ряды «косых» или «прямых» крестиков; восьмилучевые звездочки; короткие полоски зигзага (на верхнем выступе которого иногда помещена точка); пары или ряды полукружьев (иногда с точкой внутри или двумя точками на концах у каждого), в единичном случае – ромбиков (Кат. № 14), фигурок в форме буквы «Т» (Кат. № 41) или сложный орнамент из сплетенных 4-полосных жгутов (Кат. № 3). Подчас пространство между каменными вставками украшено несколькими рядами фигурок разных типов, в единичных случаях – геометрическими фигурами (прямоугольником) из них (Кат. № 3).

Кроме штампованного декора, на отдельных вещах группы 3 изредка встречается широко распространенный в античной торевики (но в целом не характерный для нашего стиля) *сканный* орнамент в виде единичных напаянных проволочек в форме буквы «S» (Кат. №№ 11, 40).

ими же украшались края каменных вставок. Формы каменных вставок разнообразны (овальные, реже – круглые или каплевидные); штампованный орнамент в основном орнаментальном поле включает ряды 8-лучевых звездочек, точек или Т-образных фигур. Возможно, именно в это время появляются полихромные пряжки с прямоугольным щитком (Кат. №25), язычки которых не имеют уступа у основания.

Следует упомянуть об интересном наборе украшений из женского погребения 9 могильника Суворово (Юго-Западный Крым), датировемый сер. III в. (Зайцев 1997: 108. рис.58, 9). Эти изделия (браслеты и серьги) типологически сход-

Cat.No	Groups	Roman Period						
		I	II	III	IV	V	VII	VIII
7	2-3							
8	3							
9	3							
10	?							
11	3							
12	3							

Табл. 2 (продол-
жение).

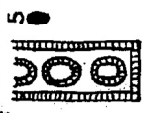
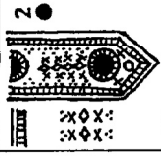
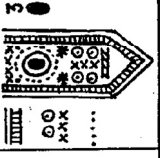
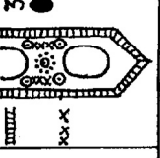
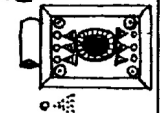
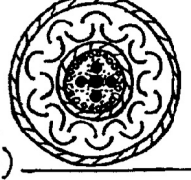
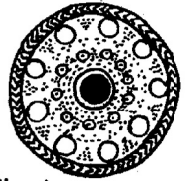
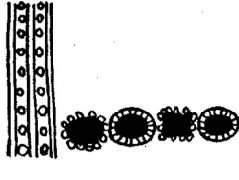

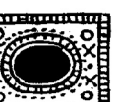

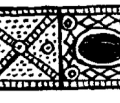

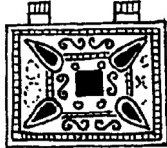
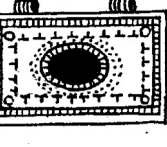
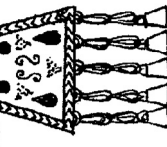

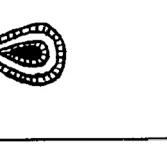
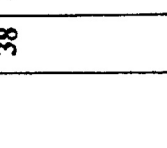
Cat.No	GROUPS						VIII
		V	VI	VII	VIII		
13	3						
14	1-2						
15	?						
16	?						
17	2						

Табл. 2 (окончание).

1		1		1		1 5 1		1		1	
GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS	
25	1-2	24	3	23	1-2	22	3	21	2	20	?
Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No	
2		1		1 2		1		1		1	
GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS	
31	4	30	4	29	4	28	?	27	?	26	?
Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No	
1		1		1		1		1		1	
GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS	
37	1	36	3	35	1	34	1	33	1	32	2-3
Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No	
1 4		1		1		1		1		1	
GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS		GROUPS	
42	3	41	1	40	?	39	1	38	1	38	1
Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No		Cat. No	

Таб. 3. Декоративные схемы аксессуаров юмента (нумерация соответствует Каталогу).

ны с предметами гр. I, но лишены характерного штампованного декора; не характерен на данных предметах и материал вставок – синее стекло и коралл. Возможно предметы из Суворово отражают этап *формирования* стиля, когда декор и материал вставок еще не устоялись.

Вещи следующей *группы 2 (кон. III – 1-я треть IV в.)* распространены на неизмеримо большей территории (от низовьев Волги до устья Дуная). Меняется их номенклатура: появляются вещи, связанные с воинской экипировкой (упряжь, навершия мечей, поясные пряжки). Вещи подобного полихромного стиля теперь, видимо, изготавливают и в Пантикапее.

Бордюры вещей в это время украшены, наряду с рядом рубчиков (в том числе – наклонных), и другими типами орнамента (среди них – рубчики, дополненные рядом зигзагов или точек). Преобладают каменные вставки овальной формы (прямоугольные и круглые встречаются в 2 раза реже, а каплевидные – только в комплексе; Кат. № 6). Края каменных вставок изредка декорированы рядом рубчиков или точек. Декор основного орнаментального поля весьма разнообразен: подчас это сложные композиции из 8-лучевых звездочек, с включением полукругов или сравнительно крупных треугольников из псевдозерни, групп полукружий с точками внутри или на концах, рядов кружков с точкой внутри. Орнаментальные поперечные перегородки на подвесках упряжи часто украшены полосой косых крестиков, рубчиков, лунниц. На отдельных изделиях (узды; Кат. №№ 1, 6-7) имеется особая орнаментальная зона и на торцах.

Дисковидные с прямоугольным выступом для крепления бляхи упряжи (Кат. №№ 2, 10) содержат декоративный элемент, широко распространившиеся в следующей группе 3 на разных типах изделий – сравнительно крупные треугольники из 3-4 рядов псевдозерни. Своеобразным «творческим полигоном» для последующего широкого распространения можно назвать декор навершия меча из Градешки (Кат. № 17): здесь, кроме упомянутых треугольников, впервые встречены такие популярные в следующем периоде элементы, как ряды треугольников из 3 зернышек псевдозерни и бордюры в виде перевитого жгута. Все это довольно наглядно демонстрирует постепенное расширение использования в рамках изучаемого стиля ряда давно известных в античной торевтике декоративных элементов (см. ниже).

Изделия более поздней *группы 3 (2-я треть IV в.)* представляют, пожалуй, наибольший интерес. Заметно расширяется номенклатура изделий, особенно у варваризованной знати Пантикапея (полихромия данного типа распространяется на диадемах, рукоятках кинжалов, наплечных фаларах упряжи, височных подвесках). На упряжи появляются зажимы с пластиной, по форме приближающейся к квадрату. В это время очень разнообразны бордюры вещей (наря-

ду с другими *распространяется «плетенка» – ряд перевитых жгутов и появляются гладкие, без декора бордюры*). Среди каменных вставок заметно растет доля каплевидных и прямоугольных. В основном орнаментальном поле *популярны ряды треугольников из 3 зернышек псевдозерни*; в единичных случаях встречаются ряды крупного зигзага, перевитый многослойный жгут и элементы скани в виде буквы «S». Зато *исчезают* многие орнаментальные мотивы двух предшествующих периодов (8-гранные звездочки, «прямые» крестики, полукруги с точками).

Полихромные вещи *группы 4 (2-ой пол. IV – нач. V вв.)* на территории Сарматии представляют собой пряжки (Кат. №№ 29-31). Их бордюры украшены плетеным жгутом. Вставки – 1-2 камня овальной формы (нижнедонские находки), в одном случае – 3 камня иных форм (Кат. № 29). Основное орнаментальное поле декорировано, уже как правило, не псевдозернью, а настоящей зернью (Кат. № 30). Наконечники известны в наборе этого стиля *вне Сарматии* (Тузгоново: см. выше); их бордюры в обоих случаях также украшен плетеным жгутом; три вставки образуют ряд из овальной в центре и каплевидных по краям ¹³.

Эволюция декора отдельных типов вещей со временем также во многих случаях вполне явственна. Она может быть прослежена на носителе «массовом» материале *отдельных элементов упряжи* при сопоставлении комплексов групп 2 и 3. Так, *дисковидные и каплевидные бляхи с прямоугольным выступом* в поздний период имеют вставки одного камня вместо пяти, упрощается декор бордюров. В основном орнаментальном поле в ранний период отмечены сложные композиции из разнообразных элементов; позже преобладают крупные треугольники псевдозерни. На *сбруйных зажимах* с прямоугольной пластиной бордюры удлиненных пропорций с рубчиками сменяются бордюрами с витым жгутом; в ранних изделиях была одна каменная вставка, в более поздних – 5. Орнамент вокруг вставок известен только на ранних образцах (ряд точек). *Наконечники с заостренным нижним торцом* гр.2 имели вставки круглой, прямоугольной или овальной формы, гр. 3 – каплевидные; декор вокруг вставок в позднее время отсутствует. На *пронизях прямоугольной формы* гр. 3 в это время появляется простой (не декорированный) бордюры и бордюры, на котором на сходящихся под углом сторонах сочетаются ряд прямых и ряд косых рубчиков (Керчь). На *пронизях круглой формы* гр. 2 отмечены бордюры с рядом рубчиков и гладкой полосой. В гр. 3 появляется ряд точек в основном поле или вокруг вставки; декор в основном поле существенно упростился. Образцы *прямоугольных бляшек-накладок ремней* гр. 2 имеют вставку круглой формы, гр. 3 – прямоугольной; для орнаментального поля поздних экземпляров характерны косые крестики и кружки с точкой внутри.

	1	2	3	4	5

Табл. 4. Основные элементы орнаментации предметов северопричерноморского полихромного стиля 2-й пол. III – IV вв. н.э.: 1 – бордюры; 2 – формы каменных вставок; 3 – декор основного орнаментального поля; 4 – декор вокруг каменных вставок; 5 – декор торцов орнаментального поля.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРА ПРОИЗВОДСТВА В ХЕРСОНЕСЕ

Данные наблюдения носят предварительный характер. Они основаны: во-первых, на находке матрицы наконечника, с которой произведены соответствующие предметы узды из кург. 2 Аэродрома; во-вторых, на происходящих из Херсонеса пряжках (Кат. №№ 25-27), где неоднократно встречены неизвестные в других пунктах орнаментальные схемы. Херсонесская специфика достаточно наглядно проявляется в оформлении поясных пряжек, и мелких аксессуаров женского костюма, в меньшей степени – упряжи. Для херсонесских изделий в целом характерен бордюр с рядом рубчиков (на аксессуарах женского костюма дополняемых гладкой полосой снаружи), изредка – косых. На всех типах изделий преобладают вставки круглой формы. Для пряжек характерен декор из двух крупных треугольников псевдозерни на каждом торце и окаймление рядом полукружий с точкой на каждом конце. Камни чаще всего окаймляются рядом зубчиков. Что касается аналогии декору упряжи, видимо, херсонесского производства в Аэродроме (см. выше), то орнамент из «косых»

крестиков в сочетании с кружками с точкой внутри имеет аналогии в комплексах из Керчи и с Нижнего Дона – на зажимах; Кат. №№ 3, 11, 16 и на наконечниках с заостренным нижним торцом; Кат. № 16. Декор бордюров из ряда рубчиков в сочетании с внешней гладкой полосой известен в комплексах той же Керчи и Северного Кавказа (Кат. № 4, 11). Однако в целом сходство достоверно херсонесских изделий групп 1 и 2 с изделиями других территорий (кроме упомянутой упряжи из Аэродрома) – весьма поверхностное. Известные на сегодняшний день предметы из Херсонеса и его округа, по сравнению с пантикапейскими, отличаются большей стандартизацией декора, меньшей территорией распространения; а изделия группы 3 пока представлены единственным экземпляром (Кат. № 42; см. прим. 44). И в самом Херсонесе они найдены в гораздо меньшем числе, чем в Пантикапее (что вряд ли можно объяснить лишь «меньшей» археологической изученностью городского некрополя и т.п.), т.к., видимо, были менее распространены среди местной знати.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗДЕЛИЙ УСТЬЯ ДУНАЯ

Определенное значение для выяснения культурных связей и даже политической истории придунайских «европейских аланов» 2-ой половины III-IV вв. играет интерпретация находки полихромных изделий из могильников Градешка (группа 2) и Чауш (группа 3) (Кат. №№ 5-6, 17). Здесь представлены пока только предметы воинской экипировки (без пряжек). Прежде всего выясняется, что изделия обоих комплексов весьма своеобразны и по ряду показателей имеют аналогии только один в другом. Это в обоих случаях бордюры с внешней гладкой полосой и внутренним рядом «полумесяцев», использование в основном орнаментальном поле (раньше, чем на других изделиях этого стиля) рядов треугольничков и 3 точек псевдозерни и нигде более не известного орнамента в виде полосы крупного зигзага с точками над верхними зубцами. В Градешке наконечники ремня и накладка с таким бордюром имеют сильные потертости внешней пластины, то есть являются в этом наборе *ранним пластом*.

Однако в более позднем Чауше этот декор бордюра доминирует в наборе. Можно предполагать, вещи с таким бордюром для Подунавья производились сравнительно длительное время (группы 2 и 3). Здесь же найдена пронизь с круглой рамкой и единственной известной вставкой не овального, а квадратного сердолика (Кат. № 5). Кроме того, только в этих погребениях представлен единственный наплечный фалар в изучаемом стиле. По декоративному оформлению вещи из Буджака не имеют точных соответствий ни в Пантикапее, ни в Херсонесе, но в целом по многим параметрам вписываются в северопричерноморский стиль. На соседних римских Балканах в это время сколько-нибудь близких аналогов буджакским вещам нет. С большой долей осторожности местом производства нижнедунайских наборов можно предположительно считать Пантикапей. В частности, показательное сходство форм каплевидных блях полихромной упряжи (Кат. №№ 5, 8) и крестовидное размещение декора на круглых бляхах (Кат. №№ 5, 10).

СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИЙ СТИЛЬ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРОТОТИПЫ

В целом анализируемый северопонтийский стиль, как уже отмечалось, *не имеет сколько-нибудь точных аналогов в известных памятниках Римской империи и Ирана*. Это ясно и из сопоставления с декором известных инкрустированных сердоликами офицерских шлемов (Clumbach 1973: abb. 1-9, 11-21; Казанский 1994: 242): *несколько* общих элементов декора дает лишь *шлем из Будапешта* (Амброз 1989: рис. 3, 1) (таб. 5, 4). Здесь действительно присутствуют ряды косых крестиков, кружков с выпуклой точкой в центре и полукружий. Однако бордюры с подобными крестиками (как и похожие четырехполосные бордюры вообще) совершенно отсутствуют на изделиях Северного Причерноморья. Нет здесь и треугольничков из 3 точек псевдозерни на концах полукружий.

Еще менее результативна попытка представить «прототипом» аналогичных вещей Сарматии декор дисковидных с прямоугольным выступом вверху *блях-подвесок конской упряжи с римско-персидского пограничья в Сирии (некрополь Эмесы)*¹⁴, на которые ссылаются в подобных случаях (Seyrig 1953, pl. A; Sourault-Besquelin 1999: fig. 3, 1) (таб. 5, 3). Они имеют лишь известное *конструктивное* сходство с подобными предметами из Северного Причерноморья – в Аэродроме I и керченской коллекции Бертье-Делагарда (см. Каталог, а, №№ 2, 10). При этом, совершенно отсутствуют характерный для северопонтийской упряжи тисненый узор в основном орна-

ментальном поле, декор бордюров и краев вставок; имеющиеся вставки образуют систему, чуждую причерноморской (дополнительные 4 круглых вставки *помимо* основного «креста», наличие в центре последнего *квадратной* вставки, крупная вставка на *петельке*). Скорее, сирийская бляха-подвеска выглядит как нечто *вторичное* (петелька, переосмысленная из прямоугольного выступа; чрезмерно усложненная система вставок) по отношению к нашим образцам (мы осознаем всю «крамольную» подобной мысли с привычной точки зрения многих археологов-«классиков»).

На первый взгляд, по многим параметрам близка северопричерноморским изделиям пряжка с прямоугольным щитком и сердоликовой вставкой из могилы II Закшува (Польша) (Madyda-Legutko 1986: taf. 8, typ 9) (таб. 5, 2). Даже если не говорить о форме рамки (более тонкая, чем у причерноморских находок), то в северопонтийских изделиях отсутствуют двухрядный бордюры из точек вокруг камней; в репертуаре штампованных элементов декора в основном орнаментальном поле нет мелких каплевидных выступов и соответственно – их же, спаренных с кружком с точкой внутри.

Определенное сходство названных изделий с причерноморскими может быть объяснено общими тенденциями моды, отразившимися в ювелирном деле обширных территорий Римской империи, Боспора, стран Закавказья и Ирана в III-IV вв.

ТРАДИЦИИ БОЛЕЕ РАННИХ ИЗДЕЛИЙ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Они проявляются, прежде всего, в сохранении традиционных античных элементов декора и технических приемов. Таковы бордюры со сплетенным жгутом, напайвание в основном орнаментальном поле нескольких проволочек скани в виде буквы «S», декоративное оформление краев каменных вставок, использование нескольких мелких овальных и каплевидных (для II-III вв. обычно – гранатовых) кабошонов. Во II-III вв. эти приемы характерны, например, для таких изделий, как туалетные флакончики (срав. серебряный флакон со вставками необработанных гранатов, поясками плетеных жгутов и бордюром из ряда вертикальных рубчиков вокруг каменных вставок, крестовидной композицией из каплевидных гранатовых вставок в придонной части из помещения ЕН усадьбы 18 в Танаисе, погибшей одновременно с другими жилыми комплексами

города в середине III в.: Арсеньева, Науменко 1992: 78; рис. 99, 7). Столь же показательна предметность в оформлении височных подвесок. Образцы из частной киевской коллекции (Кат. № 40) даже, на первый взгляд, почти идентичны подвескам со вставками сердоликов из погребения 1-й пол. III в. в кургане 20 могильника Новоалександровка I в устье Дона (Беспалый 1990: 217; рис. 3, 15), имея лишь не столь удлинённые пропорции, иное расположение вставок, а на петлях по нижнему краю – цепочки из 4 крупных и 4 малых звеньев (а не 2 или 3 крупных, как на киевских вещах). Однако последним свойственно одно принципиальное отличие: декор дополнен расположенными в шахматном порядке единичными крупными треугольниками из псевдозерни, которые характерны для причерноморских вещей групп 3 и 4 (см. выше).

СОЧЕТАНИЕ СО СТИЛЕМ «СТЕКЛЯННОГО КЛУАЗОННЕ»

Во 2-й трети IV в. в серии наиболее богатых комплексов мы встречаем в одной могиле (и даже на одной и той же конской упряжи), наряду с изделиями изучаемого стиля, *отдельные детали*, изготовленные в особом варианте техники «клуазонне». Однако эти вещи не имеют ничего общего с более поздним «классическим» *гранатовым* «клуазонне» гуннского периода. Вместо гранатов, они украшены *зеленым и синим стеклом и сердоликом* на фоне золотых перегородок. В одних случаях это навершие кинжалов или ножей, на которых мы видим шаровидную композицию, разделенную золотыми перегородками на радиальные сектора и имеющую выделенный центральный круг: кинжал из могилы 1841 г., агатовое (?) навершие которого украшено золотом с инкрустацией зеленым стеклом и сердоликом (?) (Древности...1854, ч. II: 186; ч. III, таб. XXVII, 7; Linas 1878: pl. C, 1; Шаров 1998: 12; рис. 2) и нож из Комарова II (Головкова 1983: рис. 193-194). В других случаях это серебряные пронизи узды квад-

ратной формы, внешняя поверхность которых украшена тремя рядами золотых перегородок по три квадратика в каждом (в центральном – синее стекло, в окружающих – зеленое), как в том же Комарове II (там же: рис. 181-182). В третьих – спинка золотой фибулы, украшенной полосой перегородчатой инкрустации еще *сердоликами*, а не гранатами (Фрикацей, курган 6 у устья Дуная: Simonenko 1995: fig. 11, 6)¹⁵. То же явление – использование вставок еще не из граната, а из сердолика мы наблюдаем и на золотых серьгах «клуазонне» III в. н.э. из Хорезма (некрополь Миздахкана) (Культура... 1991: 195; № 214).

Перед гуннским нашествием в ряде комплексов Нижнего Дона появляются и первые вещи «настоящего» – гранатового «клуазонне». Это пряжки, где кроме гранатов в одном случае представлены и вставки зеленого стекла (Недвиговка, 1972 г.: Безуглов, Захаров 1989: 44; рис. 2, 17; 4, 1; Центральный IV, курган 14: Безуглов, Копылов 1989: 173; рис. 2, 2) (таб. 6, 8).

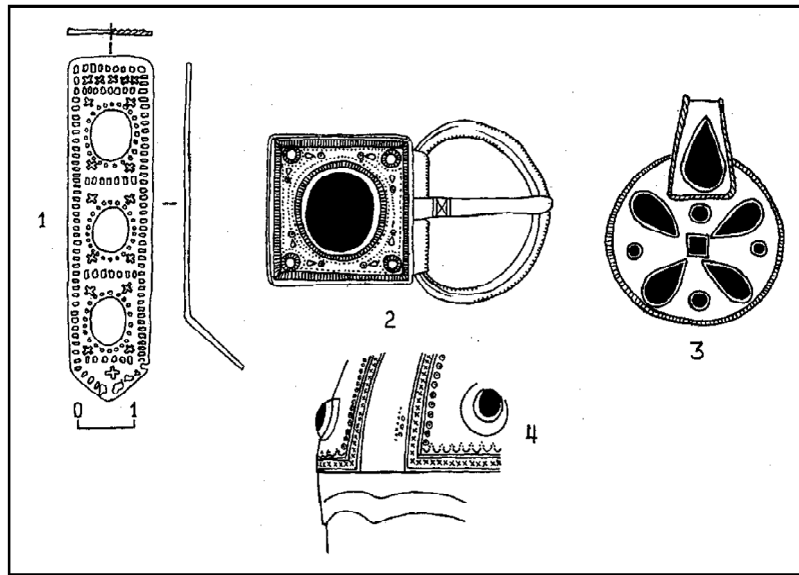
ФЕНОМЕН КОМПЛЕКСА В ТУГОЗВОНОВО (АЛТАЙ)

Комплекс из Тугозвонovo и территориально, и хронологически стоит несколько особняком на фоне полихромных изделий финала позднеаримского времени в силу ряда отличий, на которые было обращено внимание при характеристике группы 4. Несмотря на то, что пряжки и наконечники-подвески из Тугозвонovo находят соответствия среди предметов, в основном, 1-й пол. – сер. IV в., наличие в комплексе кинжала, ножны которого декорированы в технике перегородчатой инкрустации и в цветовой гамме, сближающейся с инкрустациями гуннской эпо-

хи, соотносят данный набор, видимо, с финалом IV в. Разбирая более подробно морфологические особенности предметов ремённых гарнитур из Тугозвонovo, отметим некоторые их особенности, сближающие данные вещи с изделиями из комплексов степей Восточной Европы, Кавказа и Керчи периода III в. у пряжек (крупных) граненые рамки, фасетированные язычки с уступом у основания, щитки овальной формы; у наконечников – подвеска с секировидным расширением на конце и фасетировкой по периметру. Даже если абстрагироваться от по-

Таб. 5. Матрица для изготовления наконечника конской упряжи и предполагаемые «прототипы» крымских ювелирных изделий:

- 1 – матрица (бронза); Херсонес, квартал XXV, 1962 г. (по И.О. Гавертухину) (Кат. № 15); 2 – пряжка из могилы II в Закшуве, Польша (по: Madyda-Legutko 1986); 3 – наконечник-подвеска конской упряжи из некрополя Эмеса, Сирия (по: Seyrig 1953); 4 – офицерский шлем из Белграда (по: Амброз 1989).

лихромного оформления этих изделий, они выглядят морфологически и стилистически однородными и могли составлять гарнитур. Важно, что поясные пряжки имеют заметные следы износа (Уманский 1978: 144, 145). Это предполагает их длительное использование и, в известной степени, может снимать противоречие между датировкой ременных гарнитур и комплекса в целом. Остается неясным лишь один момент. Является ли полихромное оформление щитков пряжек и зажимов наконечников-подвесок вторичным явлением, более поздней доделкой или это единовременное действие? Из описания и фотографий непонятно, как оформлены лицевые пластины щитков пряжек и лицевые пластины зажимов наконечников-подвесок (наличие фасетировки или загнутых краев, имитирующих фасетировку)? Информация об этих признаках, в какой то степени, могла бы пролить свет на поставленный вопрос. (В первом приближении полихромные предметы из Тугозвонovo скорее производят впечатление *доработок и переделок северопричерноморских изделий*). Любопытно также, что при сходном композиционном решении декора на поясных пряжках, форма центральных и дальних от язычка вставок и зерненный декор – индивидуальны.

Эти вещи имеют вставки уже не сердоликов, а гранатов (таб. 6, 1-7) и настоящую зернь (как пряжка из Нового). Показательно, что наряду с

красными гранатами на одном изделии несколько раз используются вставки двух других цветов – синего и зеленого (Уманский 1978: 138-139, 146). Такая же *трехцветная* гамма на *одном небольшом предмете* встречается и на бляшках узды в синхронном Тугозвонovo Брюхановском выселке (Засецкая 1975: 53, кат. № 36; таб. V – в центре слева).

Орнаментальные схемы тугозвоновских пряжек (таб. 6, 2-3, 5-6) имеют близкие соответствия образцам из Азиатской Сарматии, за исключением, пожалуй, лишь *форм* каменных и стеклянных вставок (в Тугозвонovo на пряжках есть отсутствующие в других комплексах вставки ромбовидной и полукруглой формы). Принципы декорирования обкладки рукояти кинжала (таб. 6, 7) отдаленно напоминают таковые у кинжала из керченской могилы 1841 г. (Кат. № 19) (несколько вертикальных рядов овальных камней в обрамлении из ряда рубчиков, превратившихся в Тугозвонovo в зернь), хотя выглядят проще. Тугозвоновская находка, сделанная за 5 тысяч км к востоку от Сарматии, скорее всего, может найти объяснение лишь в обстоятельствах складывания гуннской державы в конце IV в., когда связи с восточными сородичами не были еще разорваны и какое-то очень короткое время были возможны прямые дальние контакты в Великой Степи по линии запад-восток.

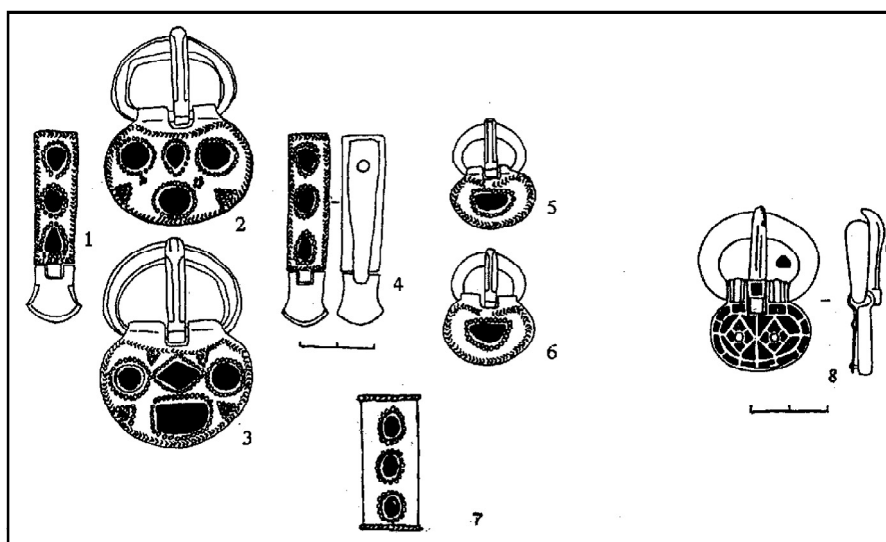
ТРАДИЦИИ ИЗУЧАЕМОГО СТИЛЯ В ГУННСКУЮ ЭПОХУ

В гуннское время на Боспоре и в Степи, естественно, сохранились лишь отдельные традиции *позднего этапа* нашего стиля. Такие элементы декора, как оформление бордюров плетеным жгутом, единичные крупные треугольники из зерни (уже настоящей, а не ее имитации) и ряды треугольничков из трех зернышек зерни каждый, сохраняются, прежде всего, на *предметах женского костюма* (диадемы, колты и

др.) (см., например: Засецкая 1975: цвет таб. I, VI, VII) (см. выше).

Сложная «плетенка» из многослойных жгутов, представленная на пронизи из Комарова II, известна и на пронизях предгуннского или уже начала гуннского времени (комплекс кургана 20/1 могильника Кубей у устья Дуная: Субботин, Дзиговский 1990: рис. 22, 4), причем уже со вставкой *граната*. Фрагмент золоченого

Табл. 6. Изделия группы 4: 1-7 – Тугозвоново, могила 1959 г. (Алтайский край РФ); 8 – Центральный IV, курган 14 (Ростовская обл. РФ).

бордюра какого-то полихромного изделия с подобным декором известен в 1-й пол. V в. в некрополе Пантикапея (Засецкая 1993: 89, № 344; таб. 58). Таким образом, мы можем дополнить

список элементов преемственности, которые уже не раз отмечались исследователями (см., например: Засецкая 1975: 14-16, 25-27; Засецкая 1999).

ПРЕСТИЖНОСТЬ ИЗДЕЛИЙ

Подобные вещи найдены в богатейших курганах кочевников или городских могилах знати соответствующих регионов¹⁶. Такие изделия ценились, так что иногда вместо подлинных в могилу иногда клали *имитации* из тонкой золотой фольги (Каталог, №№ 13, 22 – вещи «возможно с Кавказа» в Британском музее). Судя по более ранним известным аналогам, такие имитации использовались в погребальном обряде *античных городов*. В нашем случае это, скорее всего, боспорский Пантикапей. Вместе с тем, показательное *отсутствие починенных и сильно фрагментированных вещей* в наборах узды изучаемого стиля из районов, заселенных ираноязычными племенами. (В античных же городах мы подчас наблюдаем на подобных вещах повреждения – и весьма существенные – золотой плакировки со штампованным орнаментом, особенно – на поясных пряжках, потерю каменных вставок (Кат. №№ 10, 14, 25-26)). Это нельзя объяснить лишь тем, что они производились в целом весьма короткое время; вероятно, это была категория парадной узды, предназначавшейся лишь для *редкого* (однако мы не решимся сказать – только *погребального*) использования¹⁷. Показательно, что в состав узды в погребении 1841 г. входила ныне утраченная тонкая серебряная пластинка с тамгой Иненсимея Боспорского (234-239) (Яценко 1994: 188; рис. 1, 3). Со времени смерти этого царя до погребения 1841 г. прошло около 100 лет... Остается лишь гадать, зачем на позднюю узду была нашита хрупкая полоска фольги от старинной упряжи со знаком этого знаменитого правителя (не относив-

шегося, как считается, к правящей династии Тибериев-Юлиев и являвшегося представителем кочевой знати одного из соседних племен номадов, с которым связано небывало большое число памятников с его знаком вне территории Боспорского царства)¹⁸.

Показательно наличие узды в нашем стиле в знаменитом уцелевшем керченском женском «погребении с золотой маской» 1837 г., где умершую сопровождали золотая гривна, серебряный скипетр, большое количество золотых со вставками самоцветов мелких аксессуаров костюма, серебряной и бронзовой посуды. А в двух могилах кургана 1841 г. обнаружена целая серия подобных предметов (упряжь, кинжал и диадема). Упряжь всех этих комплексов имела следующую интересную особенность – ременные прямоугольные бляшки с штампованной *тамгой* сармато-аланского клана, к которому принадлежал покойный (это относится и к частично сохранившемуся материалу могилы из коллекции Е. Запорожского).

Любопытно, что в неограбленных и, видимо, дошедших до нас практически полностью (!) погребениях обоих курганов¹⁹ отсутствовали мелкие аксессуары костюма в данном ювелирном стиле. Точнее, соответствующие полихромные изделия были выполнены в иной технике и имели гораздо более роскошный вид, и хотя бы частично явно сделаны не на Боспоре. Единственная *пряжка* в *причерноморском* стиле была обнаружена лишь в более скромном по статусу «погребении 1918 г. на усадьбе Мессаксуди» (вместе с мечом и упряжью интересующего нас стиля).

ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЭТНО-КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Согласно преобладающему сегодня мнению, поскольку изделия северопричерноморского полихромного стиля производились в греческих городах Крыма, они отражали, прежде всего, *провинциальные античные вкусы*. (Лишь И.В. Белинский и А.Л. Бойко решились заявить, что такие изделия в северопонтийском регионе отражают не столько античные, сколько местные аланские кочевые эстетические нормы и запросы: Белинский, Бойко 1991: 96).

Картографирование находок вне Пантикапея и Херсонеса (рис. 1), как нам представляется, *показывает явную неравномерность их распространения и их четкую этно-политическую привязку и демонстрирует (с учетом приведенных выше хронологических выкладок) политические взаимоотношения мастеров и дарителей с одной стороны и потребителей подобных изделий – с другой*.

Самые ранние из известных изделий нашего стиля – пластинчатые шарнирные *браслеты, серьги, «медальоны» и, видимо, пряжки* 2-й пол. III – нач. IV вв. – найдены только в «варварских» районах юго-западного и центрального Крыма, заселенных т.н. «*тавроскифами*» – военно-политическими союзниками Херсонеса (и, соответственно, – контролировавшего его в это время Рима). Еще в конце III в. Херсонес смог привлечь для войны с Боспором окрестных варваров «тавро-скифов» («*мужей из соседних крепостей*»). Около 310-320 гг. в Юго-Западном и Центральном Крыму появляется большая группа нового населения (Труфанов, Юрочкин 1999: 245), которая продолжает получать подобные изделия (см. Кат. № 2).

Ареал полихромных поясных *пряжек с прямоугольным щитком* включает крупнейшие античные города Крыма (Пантикапей и Херсонес), и лишь изредка они встречаются у населения Северного Кавказа (Кат. №№ 20-21). Две последних находки объединяет ряд точек вокруг каменных вставок, овальная форма камня и наличие бордюра из ряда вертикальных рубчиков. Наличие в Тимашевской (Кат. № 21) декора из косых крестиков имеет аналогию только на *пряжке из Керчи* (Кат. № 23). Напротив, полихромные *пряжки с овальным щитком* отсутствуют в античных городах и найдены только в «варварских» районах Центрального Предкавказья и левобережья Нижнего Дона²⁰. Известные на самых поздних из них (Кат. № 30) композиции из противопоставленных треугольников из нескольких рядов зерни имеют аналогии также только на керченских образцах (Кат. № 22). В целом имеющиеся факты свидетельствуют, видимо, в пользу *пантикапейского* производства северокавказских *пряжек* обеих разновидностей.

Парадная полихромная *конская упряжь* встречена (кроме Пантикапея и Херсонеса) на территории Сарматии тоже, прежде всего, в Центральном Предкавказье (Кишпек) и у *аланов-танаитов* на Левобережье Дона (Аэродром, Комаров) и в двух случаях – в устье Дуная – на землях *аланов европейских* Аммиана Марцеллина – готских союзников (в могильниках Градешка и Чауш, расположенных на разных окраинах одного села)²¹. *Мечи* с полихромным декором выявлены (кроме Пантикапея) также лишь в устье Дуная – на самой границе с Римом. *Самые ранние* из известных на сегодняшний день детали сбруи известны на землях кавказской «Алании» (пряжка с овальным щитком из Веселой Рожи; упряжь из Кишпека). В более поздней группе 3 они, напротив, пока известны лишь на территории их северных соседей – «*аланов-танаитов*» Нижнего Дона.

Взаимоотношения «Алании» и Боспора в отдельные периоды (например, на рубеже 30-40-х гг. III в.), вероятно, были *не дружественными* (Яценко 1997: 155-157, 159-160)²², но тем более допустимо желание боспорских царей изменить ситуацию. В целом парадные *предметы экипировки знатных воинов* в изучаемом стиле выглядят как *дары, вручаемые кочевой знати, в замирении которой были заинтересованы как Рим и его политический анклав в Крыму – Херсонес, так и Боспорское царство*. Возможно, полихромная упряжь дарилась из царского табуна боспорского правителя вместе с конем; во всяком случае, это позволяют предполагать некоторые находки предшествовавшего времени – сер. – 2-й пол. II в. н.э.²³.

Описанную ситуацию можно понять также, учитывая факт постоянного *политического и военного соперничества Херсонеса и Боспора* в интересующий нас период. К середине III в. оба конкурента выступали уже примерно «в равных весовых категориях»: с одной стороны, территория Боспора сократилась в несколько раз, а оставшаяся подверглась разрушениям из-за варварских вторжений и внутренних смут; с другой – маленький Херсонес не только уцелел в ходе бурных событий сер. III в., но и вполне процветал благодаря римским военным субсидиям и наличию военного союза с окрестными крымскими варварами. В кон. III – 1-й пол. IV вв. происходили три боспоро-херсонесских войны (Konst. Porth. De adm. Imp. LIII. 244-251) (284 или 291 г.; 328 г.; 341 г.: Юрочкин 1999: 279-281). Все они были неудачными для боспорцев, и в результате третьей их европейские владения ограничились узкой полосой восточного побережья Керченского полуострова за Узунлар-

ским валом. Последнее подтверждается и недавними археологическими находками (Ланцов, Голенко 1999: 177-181).

Однако в плане распространения полихромных изделий картина получается противоположной. Предположительно *херсонесские* вещи представлены единственной находкой на *Нижнем Дону* (Аэродром I) **группы 2** (начала IV в.), то есть как раз примерно в период двух из названных конфликтов и представляют собой, вероятно, дарственную парадную упряжь (и это вообще единственная находка на Нижнем Дону подобного полихромного стиля в то время!). Предполагаемые *боспорские* изделия концентрируются южнее – у наиболее влиятельных в этот период аланов *Центрального Предкавказья* (Кишпек, Тимашевская). Можно полагать, что Боспор стремился компенсировать военные поражения дипломатическими успехами.

Картографирование изделий **группы 3** показывает, что во 2-й трети IV в. они *концентрируются* на небольшом участке *левого бережья Нижнего Дона, и в бассейне его притоков – Сала и Маныча* (Кат. №№ 3, 20, 30-32)²⁴, в то время как в предшествовавший период предполагаемые пантикапейские импорты можно наблюдать лишь в Предкавказье. Вероятно, это отражает одно из основных направлений дипломатической активности Боспора в тот «темный», почти не освещенный письменными и эпиграфическими источниками период его истории. Именно в это время нижнедонские кочевники устанавливали контакты с приднепровскими готами, судя по появлению достаточно обильных черняховских импортов (срав.: Безуглов 1990: 82-83, 86) (в то время как в Центральное Предкавказье они стали проникать лишь в гуннское время). Это можно понимать как проявление их относительной *самостоятельности* в этот период от центральнопредкавказской «метрополии» (Малашев 2000).

Если говорить о *всей совокупности изделий северопричерноморского полихромного стиля 2-ой III-IV вв. вне античных городов*, то они фактически найдены в могилах *знати всех основных ираноязычных племен Северного Причерноморья* (страна «Алания» персидской надписи Картира в Центральном Предкавказье; ее политический анклав – «аланы-танаиты» Нижнего Дона; жившие под контролем готов «европейские аланы» района устья Дуная; «тавро-скифы» северных предгорий Крыма). Более восточным кочевым племенам эти изделия специально не отправлялись. В то же время на соседних с Боспором землях германских племен и горцев Западного Кавказа *ни одной вещи* в этом стиле также не найдено.

Главным (и кроме Херсонеса – единственным) пунктом *концентрации* полихромных изделий изучаемого стиля является уцелевшая в ходе событий 239-276 гг. столица Боспора – интернациональный и сильно варваризованный в

это время *Пантикапей*. (К сожалению, все богатые могилы здесь происходят из плохо документированных дореволюционных раскопок или из частных коллекций, попавших в Британский музей, музеи Германии и Франции).

В более или менее уцелевших богатых пантикапейских погребениях 1837, 1841 и 1891 гг. на упряжи данного стиля представлены, как уже отмечалось, клановые *знаки-тамги сармато-аланских знатных родов*²⁵, подробно изучавшиеся одним из авторов на фоне Корпуса тамг Сарматии и иранского мира в целом (Яценко 1994: 187-189; рис. 1, 1-7; Яценко 2001: таб. 6, №№ 52, 92; таб. 8, №№ 7, 9, 19). Важно, что (кроме знаков царских боспорских фамилий и неопределимых знаков, имеющих аналогии только в «межрегиональных» по характеру скоплениях – «энциклопедиях» в пещере Ак-Кая I и ольвийском льве № 1) «небоспорские» знаки сарматов принадлежат родам, *обитавшим ранее – в I-II вв. – в районах, непосредственно окружающих Крым*: в степях Правобережной Украины, в крымской Малой Скифии и в Донбассе (Яценко 1994: рис. 1, 1, 5-6)²⁶. Иными словами, эта парадная упряжь помечена знаками степных сарматских кланов²⁷. Следует добавить, например, такие особенности могилы женщины «царицы» 1837 г., как мечи и конскую узду. У нас не хватает фантазии приписать подобные комплексы знатным *гречанкам или германкам* (хотя подобные, вполне умозрительные заключения встречаются в литературе). Видимо, речь идет о проникшей на Боспор в период кризиса 236-276 гг. *сармато-аланской знати* (см., например: Шаров 1998: 13)²⁸. (Из текста того же Константина IX Порфирородного следует, что «савроматы», как по традиции еще долго называли *аланов*, в это время проживали на Боспоре и даже были основной военной силой местных правителей).

Что касается предметов парадного *женского костюма* (браслеты, серьги с простым декором, «медальоны»), то они достоверно известны только в Крыму; в сохранившем античный облик Херсонесе их изготовляли лишь для ближайших соседей – крымских варваров, а в варваризованном Пантикапее – для местной сармато-аланской и сарматизованной знати.

Итак, есть основания полагать, что вещи в таком стиле предназначались как для жителей Херсонеса (поясные пряжки с прямоугольной рамкой) и Пантикапея (точнее – для «сарматизованной» или собственно сармато-аланской знати боспорской столицы), так и для подарков кочевой аристократии. Отдельные категории полихромных изделий вообще производились *только* для кочевников (пряжки с овальным щитком). Поэтому в словах М.И. Ростовцева, в свое время определявшего этот стиль на основе керченских находок как «полихромный иранский», есть известная доля истины (не в смыс-

ле персидского импульса, а в смысле отражения вкусов *ираноязычных* этносов). Такой оригинальный греко-варварский синтез в искусстве отчасти напоминает знаменитые золотые и серебряные предметы «греко-скифской торев-

тики», изготовлявшиеся восемью веками ранее. Но времена, художественный вкус и экономические возможности как исполнителей, так и варварских потребителей во 2-й пол. III-IV вв.н.э. были уже далеко не те.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами системный анализ сводки изделий данного стиля приводит к ряду важных выводов. 1) Северопричерноморский стиль выглядит вполне *оригинальным*, а его изделия относятся обычно к сугубо местным, причерноморским типам (узды, мечи и др.). 2) Вещи в этой традиции производились в двух античных городах Крыма – Пантикапее и Херсонесе; стиль каждого из них имеет известную специфику. 3) В ходе своего развития и приспособления к варварским вкусам данный стиль претерпевает *эволюцию*, особенно заметную во 2-й трети IV в. 4) Изделия этого стиля производились в немалой степени для удовлетворения запросов варварской знати ближайших к Боспору кочевых группировок Степи и являлись дипломатическими дарами; другая их часть употреблялась знатью варваризованной

столицы Боспора (в других пунктах этого царства подобные изделия отсутствуют) и, видимо – в меньших масштабах и более ограниченном ассортименте – жителями Херсонеса. 5) Территориальное распространение полихромных изделий разных типов на варварских землях отражают направления деятельности боспорской дипломатии и отчасти – ход боспорско-херсонесского соперничества в регионе.

Наша работа позволяет уже сегодня весьма точно атрибутировать (в смысле уточнения хронологии, центра производства, района находки) беспаспортные находки из частных коллекций. Так, одна из них (Шемаханская, 2000: 219-220; ил. 3) (см. прим. 44, 47) происходит, вероятно, из одной могилы 2-й пол. III в. н.э. из района между городами Севастополем и Бахчисараем и включает вещи херсонесского производства.

КАТАЛОГ

изделий полихромного стиля Сарматии 2-й пол. III – IV вв.н.э.:

I. ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОЙ ЭКИПИРОВКИ:

а) УЗДА:

Нижнее Поволжье:

1. *г. Маркштадт / Маркс, разрушенное погребение 1928 г.*, (Саратовская обл. РФ), наконечник ремня, зажим (?) – Синицын 1936: 38; рис. 11 (серебро).

Нижний Дон:

2. *Аэродром I, курган 2* (Ростовская обл. РФ) – Белинский, Бойко 1991: 87-90; рис. 22 (1-4), 23 (1-4) (бронза, плакировка золоченым серебром, сердолик, синее / лиловое стекло).

3. *Комаров II, курган 8* (Ростовская обл. РФ) – Головкова 1983, рис. 173-183; The Treasures... 1991, №№ 150-151 (серебро, золотая плакировка, сердолик, альмадины, красное, синее и бирюзовое стекло).

Центральное Предкавказье:

4. *Кишпек, курган 13* (Кабардино-Балкария, РФ) – Бетров 1987: 17-18; рис. V (1-2), VIII (1-6) (бронза и серебро, золотая плакировка, сердолик, синее стекло).

Междуречье Днестра и Прута:

5. *Чауш, курган 5* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация: Фокеев 1990 (серебро, золочение, сердолик, зеленое стекло)²⁹.

6. *Граदेशка (Граदेशты), курган 9* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация:

Дзиговский, Субботин 1990 (бронза, золотая плакировка по серебряной плакировке, сердолик)³⁰.

Европейский Боспор:

7. *Пантикапей, курган 1837 г. за Глинищем* (г. Керчь, Республика Крым Украины) – Древности... 1854: 10-13; таб. XXIX, 4; Толстой, Кондаков 1889: 155; рис. 137; Rostovtceff 1923: fig. 13 (нижняя часть); Гайдукевич 1949: 423; рис. 79; Соломоник 1959: 137-138; №№ 89-90 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

8. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г. вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* (по А. Ашику) – Ашик 1848: 47 сл; № 39; таб. 7; Ашик 1849: 72; рис. 209 а; Древности... 1854: 28-29; Rostovtceff 1923: fig. 14; Šarov 1994: 420; abb. 3; 4 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

9. *Пантикапей (г. Керчь), погребение 1841 г.* (по В.В. Шкорпилу)³¹ – Шкорпил 1910: 33; рис. 15 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

10. *Пантикапей (г. Керчь), коллекция А.Л.Бертъе-Делагарда* (Британский музей) – Germanen... 1987: 112; № 16 к³² (серебро, сердолик?).

11. *Пантипей (г. Керчь), коллекция Ермолая Запорожского (покупка 1891 г.) – тип узды 1* – Šarov 1994: 417; abb. 1; *тип узды 2* (с тамгами) – Ibid., 417, 419; abb. 2 (1-10) (серебро, золоче-

ние, сердолик).

12. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на усадьбе Мессаксуди» 1918 г.* – Амброз 1989: рис. 2, 12³³.

13. *Неизвестный пункт («Кавказ»)* (Британский музей), *погребальная имитация* наконечников ремней из фольги – Германен... 1987: 107; № 1.13 b (золото).

Херсонес Таврический (г. Севастополь, Республика Крым Украины):

14. Случайная находка (ГИМ, инв. № 95570) (серебро, позолота, синее стекло)³⁴.

15. *Квартал XXV, нивелировочная засыпь*, раскопки Г.Д. Белова 1965 г., *бронзовая матрица* – Голофаст 1997: 321; рис. 4 (1)³⁵.

Неизвестный пункт:

16. *«Юг России»* (Варшава, Национальный музей) – Alföldi 1934: fig. 9; Soupault-Besquein 1999: fig. 2 (3)³⁶.

б) МЕЧИ (НАВЕРШИЯ) И КИНЖАЛЫ (РУКОЯТИ):

Междуречье Днестра и Прута:

17. *Градешка, курган 9* (Одесская обл. Украины) – предварительная информация: Дзиговский, Субботин 1990, *навершие меча* (горный хрусталь, оббивка – золото, центр – турмалин, по краям – азурит).

Европейский Боспор:

18. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на участке Мессаксуди» 1918 г.* – Beck, Kazanski, Vallet 1988: 65; fig. 1 (20), 2 (6), *навершие меча* (дерево, медное покрытие, золотая плакировка, гранат).

19. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г., вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* – Гайдукевич 1949, рис. 80, *обкладка рукояти кинжала* – Древности... 1854, ч. III: таб. XXVII, 7; ч. II: 186 (золото, сердолик).

II. АКСЕССУАРЫ КОСТЮМА:

с) ПРЯЖКИ:

1) с прямоугольным щитком:

Волго-Донское междуречье:

20. *Купцын Толга, курган 30* (Республика Калмыкия, РФ) – Шнайдштейн 1981: 95; таб. 11, 1 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

Прикубанье (Правобережье):

21. *ст. Тимашевская* (Краснодарский край РФ) – ОАК за 1884 1886: 37; рис. 40; Posta 1905: fig. 224; Амброз 1989: 25; рис. 1 (18, 20); Soupault-Besquein 1999: fig. 1(5) (бронза, золотая плакировка, сердолик).

Европейский Боспор:

22. *Пантикапей (г. Керчь), «курган на усадьбе Мессаксуди» 1918 г.* (Республика Крым Украины) – Rostovtceff 1923: Pl. IV; Beck, Kazanski, Vallet 1988: 63, № 2; fig. 1 (5), 2 (5) (серебро, плакировка золоченой бронзой, сердолик, гранат).

23. *Пантикапей (г. Керчь)* (Кельнский музей), 2 однотипных пряжки – Damm 1988: 156-157; №81; abb. 145-146 (бронза, серебро, сердолик).

24. *Неизвестный пункт («Кавказ»)* (Британский музей), *погребальная имитация* из фольги – Германен... 1987: 107; № 1.13 a (золото).

Юго-Западный Крым:

25. *Херсонес (г. Севастополь)* (Москва, ГИМ, инв. № 95570) – Якобсон 1959: рис. 138, 4 (серебро, позолота, сердолик)³⁷.

26. Херсонес (ГИМ, инв. № 95570) (серебро, позолота; каменная вставка утрачена).

Неизвестный пункт³⁸:

27. *«Крым»* (Херсонес?³⁹) – Salin 1904: fig. 298; Soupault-Besquein 1999: fig. 1(9).

28. *«Северное Причерноморье»*, 2 однотипных пряжки – Damm 1988: 176; № 99; abb. 179-181 (бронза, серебро, сердолик).

2) с овальным щитком⁴⁰:

Прикамье:

29. *Броды, курган 25/1* – Голдина 1986: 71; таб. 14, 2 (бронза, «позолота», «камень»).

Нижний Дон:

30. *Новый, курган 108* (Ростовская обл. РФ) – Ильюков 1983: рис. 2143 (серебро, сердолик).

31. *Абганерово II, курган 33* (Волгоградская обл. РФ) – Дьяченко 1999: рис. 4 (16) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

Ставрополье:

32. *Веселая Роща III, кург. 8* (Ставропольский край РФ) – Романовская 1986: 77; рис. 2 (1) (серебро, золотая плакировка бордюра, сардоникс).

д) БРАСЛЕТЫ:

Юго-Западный Крым:

33. *Дружное, могила 24* – Храпунов 1994: 534-535; рис. 5 (4-5); Unbekante Krim 1999: abb. 121 (крайние фото) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

34. *Дружное, могила не указана* – Unbekante Krim 1999: abb. 121 (центральное фото) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

35. *Черная речка, могила 35* – Амброз 1989: рис. 2 (23) (серебро, золотая плакировка, сердолик).

е) ДИАДЕМЫ:

36. *Пантикапей (г. Керчь), 1841 г. вторичное захоронение в склепе у Аджимушкайских каменоломен* (по А.Б. Ашику), *центральная часть* – квадрат из 9 элементов⁴¹ – Древности... 1854, ч. II: 28; ч. III: таб. III, 5; Ростовцев 1913: таб. V, 1 (золото, сердолик, халцедоновые камеи)⁴².

ф) СЕРЬГИ И ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ⁴³:

Юго-Западный Крым:

37. *Дружное, мог. 2, 1984 г.*, серьги – Айбабин 1994: 90, 94; рис. 6, 1-2 (бронза, сердолик).

38. *Черная речка, могила 3*, серьги – Бабенчиков 1963: 93; таб. II, 13 (серебро, золотая плакировка, сердолик).

39. *Черная речка, могила 35*, серьги – Бабенчиков 1963: 98; таб. II, 14; Aibabine 1996: fig. 2, 13 (серебро, позолота, сердолик)⁴⁴.

Неизвестный пункт («Украина или Юг России»):

40. Коллекция неизвестного лица (г. Киев) (представлена на выставке в музее «Киево-Печерская Лавра», проходившей под эгидой Национального Олимпийского комитета в ок-

тябре 1999 г.), височные подвески (золото, сердолик)⁴⁵.

г) «МЕДАЛЬОНЫ» (?):

Юго-Западный Крым:

41. *Черная речка, могила 3* – Бабенчиков 1963: 93; таб. VI, 5 (серебро, сердолик)⁴⁶.

42. *Суворово, склеп 38/3* – Труфанов, Юрочкин 1999: рис. 1 и 2; № 44; Пуздровский, Юрочкин, Труфанов, В печати (серебро, золотая плакировка, окрашенное? стекло)⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разделение труда в работе соавторов было следующим: В.Ю. Малашеву принадлежит хронологический очерк комплексов и привлечение большинства вещей, С.А. Яценко – введение, очерк историографии, собственно характеристика стиля и иллюстрации; анализ результатов картографирования и основные выводы подготовлены совместно.

² Эта работа не была бы возможна без *частичного* (ограниченного, без точного копирования изображений) использования неопубликованных материалов, любезно предоставленных Н.Н. Голловой и Л.С. Ильюковым (Ростов-на-Дону), А.В. Симоненко (Киев), Ю.П. Калашником (С.-Петербург) и И.Р. Ахмедовым (Москва), а также неопубликованных прорисовок И.В. Гавритухина (Москва) и помощи в получении части литературы со стороны М.М. Казанского (Париж) и Ю.П. Зайцева (Симферополь).

³ Доклад В.Ю. Малашева «К проблеме периодизации ремешковой гарнитуры древностей типа Кишлек» (скифо-сарматский отдел Института археологии РАН, 7.10.1998) и статья (Малашев 2000).

⁴ Большинство находимых в Сарматии серег этого времени с небольшой сердоликовой каплевидной вставкой и с несколькими плетеными филигранными золотыми жгутами формально по многим параметрам (материал вставок и др.) могли быть отнесены к вещам изучаемого стиля. Они широко распространены в Юго-Восточной Европе. В этом случае они составили бы самую массовую часть находок. Однако в наш Каталог включены не эти довольно стандартные позднеантичные изделия, которые заслуживают отдельного рассмотрения (центры изготовления их не выяснены и могли находиться вне Северного Причерноморья), а лишь те немногие серьги, которые *не вписываются* в этот шаблон.

⁵ Этот, найденный далеко на севере, в Прикамье комплекс, вероятно, связан с миграциями, последовавшими сразу за гуннским вторжением.

⁶ Исследователям, привыкшим к работе с массовым материалом (керамика и др.), возможно, покажутся сомнительными *любые* серьезные выводы, сделанные на немногочисленной (чуть более 40 вещей) известной на сегодняшний день коллекции данного стиля. Однако ювелирные изделия в целом должны изучаться по особой методике, т.к. многие из них изначально *уникальны* или изготавливались небольшими партиями. Поэтому (если учесть и *ограбление* огромного большинства богатых могил, в которых их находят, их постоянную *переплавку* и переделки в более позднее время) эти изделия *всегда* будут насчитываться единицами, в лучшем случае – десятками. В таких условиях важны, прежде всего, максимальный учет

всех мельчайших показателей сходства и различия изучаемых единичных вещей и сопоставление с предметами более ранних и поздних стилей; выводы на основе этого *могут* и должны быть корректными. Иного пути попросту не существует. Тем более трудно пенять на «малую выборку» при анализе *орнаментики* предметов уздечного набора в изучаемом стиле, каждый из которых имел оригинальный сложный тисненый декор из множества специфических элементов и их сложных сочетаний.

⁷ Знаменитая «могила с золотой маской» 1837 г. из Керчи, содержащая единственный костяк умершего, а среди инвентаря – ткацкое веретено, зеркало, туалетный флакон, бусы и полихромные серьги, была *женской*, хотя и сопровождалась 2 наборами конской упряжи, 2 мечами и ножом (см., например: Безуглов, Захаров 1989: 48).

⁸ Наиболее детальное описание, классификация и реконструкция подобной узды даны в статье И.В. Белинского и А.Л. Бойко для могильника Аэродром I на основе хорошо сохранившегося положения предметов узды в тайнике кургана 2 (Белинский, Бойко 1991: 88-93; рис. 26-27).

⁹ Рассматриваемые полихромные пряжки с прямоугольными щитками ни разу не встречены в составе достоверных наборов упряжи, и это позволяет предполагать их использование *в костюме*.

¹⁰ Сомнения в достоверности описаний 2 наборов упряжи из могилы 1837 г. в первоначальных публикациях (Šarov 1994: 420) кажутся преувеличенными: они, фактически, основаны только на том, что в эрмитажной описи 1851 г. часть деталей узды (Древности...1854, ч. III: таб. XXIX, 1-3, 5-7) по ошибке (?) не числилась за этим погребением.

¹¹ Положение полихромных пронизей и ряда подвесок реконструируется разными авторами по-разному: их относят то к нагрудному ремню (Белинский, Бойко 1991: 92-93; рис. 27; Šarov 1994: abb. 2 (11)), то к уздечке (А.В. Симоненко). Поэтому более корректно употреблять в нашем случае нейтральный термин «упряжь».

¹² Показательно, что подобные вставки из «необычных» материалов (сардоникс вместо сердолика, азурит вместо синего стекла) отмечены на *самых ранних* изделиях соответствующих типов, когда традиция оформления и соответствующая мода еще не вполне устоялись.

¹³ В этих двух могилах очень похож и декор навершия меча *в технике «клизонне»* с поясками настоящей зерни (в центре – крестовидная композиция с центральной круглой вставкой и 4 овальными – между углами креста; бордюр с зигзагообразной полосой перегородчатой инкрустации).

¹⁴ Отметим позицию Е.Л. Гороховского, который связывает импульс полихромного стиля 2-й пол. III-IV вв. с римской Сирией. По его мнению, в эпоху кризиса Империи в III в. усилилась тяга к полихромии, яркости цветовой гаммы и восточным (сирийским, египетским и персидским) ювелирным заимствованиям. Распространение *восточной пышности* объясняется как появлением в первой половине века императоров – выходцев из Сирии и соседних провинций (Элагабал, Филипп Араб) и императриц, так и кризисом императорской власти, и, следовательно – желанием заимствовать атрибуты власти персидских владык. Более дешевые изделия подражали им (см., например: Гороховский, Корниенко 1993).

¹⁵ А.В. Симоненко любезно предоставил нам более точную прорисовку этого предмета.

¹⁶ Последнее вовсе не означает, что в быту варварской знати Сарматии этого времени не использовались *массивные золотые вещи*. Скорее всего, они не дошли до нас из-за растущей символизации погребального обряда (когда наиболее ценные вещи не помещались в курган или имитировались), а возможно – и по другим причинам.

¹⁷ Срав. мнение О.В. Шарова об использовании части парадной пантикапейской узды II-III вв. из-за ее большой хрупкости именно в погребальных целях (Шаров 1998: 11).

¹⁸ См. подробнее: Яценко 2001, раздел 4 («Царские знаки» правителей Боспора и сарматов Западной Украины и их происхождение).

¹⁹ Не следует, впрочем, преувеличивать добросовестность А.Б. Ашика как раскопщика. Н.Н. Музаревич отмечал, что он лично не присутствовал на раскопках, никогда не делал чертежей на месте, утаивал вещи, найденные в нескольких экземплярах, для последующих «даров» или чтобы сдать их властям на следующий («неудачный») год (Лазенкова 1999: 78).

²⁰ Находка такой пряжки в могильнике Броды в далеком Прикамье происходит из более позднего комплекса и, видимо, связана с событиями гуннского вторжения.

²¹ Зажим (?) и наконечник из Маркштадта на левобережье Нижней Волги (Кат. № 1) сочетаются на упряжи с деталями *иного* – волго-уральского происхождения (Синицын 1936: рис. 11), то есть не составляют гарнитур и, видимо, попали сюда во *вторичном* использовании (трофеи?).

²² При издании этой статьи были, к сожалению, допущены множество пропусков, опечаток и ошибочная правка текста. Назовем лишь *некоторые* из них. На с. 154. в конце 1-й фразы: «более *полной* и впечатляющей». На с. 155 – Syncell; Konst. Porth. – «LIII». На с. 156 пропущена середина фразы о том, что гонимая керамика, «произведенная в Предкавказье, господствует в III-IV вв. в степных комплексах Северного Кавказа, низовьях...». На с. 157: Танаис был «восстановлен», а не *выставлен* варварами, а серьезная опасность для него возникла «примерно» за 17 лет до его разрушения; чиновника звали «Хафразм». На с. 158: Мирмекий – «соседний со столицей», а бораны упоминаются «только *Причерноморье*». На с. 159: Драчук 1975 – табл. XI, № «875»; «под центральной *фигурой* (а не «фибулой») умершего»; от Кангюя откололись *кочевые* вассалы; «полонил всю Осетию», а не современную *Осетию*; «при шаханшахе», а не *шихиншахе*, как говорили в XX в. На с. 160 – Трдат III, а не *Традат*; для «соседней Грузии», а не *соседей*. Пропущен ряд важных сносок (с. 156, последний абзац – Шаров 1995: 23; с. 159, в конце 1-го абзаца справа –

Зуев 1995...), в Списке литературы с ошибками указаны фамилии Матюхин и Мровели. При ссылках на Мовсеса Хоренаци – № книги – II, а не «П». В пяти случаях опущены важные скобки и тире (особенно – на с. 160). Многие из ошибок серьезно исказили подлинные мысли автора.

²³ В одном весьма скромном погребении воина-дружинника нижнедонских кочевников этого времени (Кировский I, курган 1/2, раскопки Л.С. Ильюкова 1980 г.) были найдены среди прочего круглые ажурные серебряные бляхи уздечки с литыми тамгами царя Инесимея Боспорского (234-239) (см.: Яценко 2001: рис. 27, д).

²⁴ Исключение составляет нижнедунайская находка в Чауше.

²⁵ Наряду с ними, на упряжи из курганов 1837 и 1841 гг. представлены еще знаки боспорской знати 1-й пол. III в. – какого-то родственника Рескупорида III (к царскому знаку добавлена сверху звездочка) и Инесимея (Яценко 1994: рис. 1, 3 и 7).

²⁶ Другие, гораздо более впечатляющие примеры довольно массового «смещения» знатных носителей тамг в средне- и позднесарматское время см.: Ольховский, Яценко 2000: 308-310.

²⁷ К сожалению, О.В. Шарову остались неизвестными публикации и доклады С.А. Яценко по тамгам Сарматии за последние 7-8 лет и содержавшиеся в них методические разработки (срав.: Шаров 1998: 14-17).

²⁸ О.В. Шаров даже считает мужчину из кургана 1841 г. сарматским узурпатором Фарсанзом, захватившим контроль над частью Боспора в 253-254 гг. (Шаров 1994: 426). Однако мы полагаем, что это погребение было совершено много позже его гибели.

²⁹ Иллюстративный материал по полихромным изделиям из соседних могильников Чауш и Градешка в устье Дуная был любезно предоставлен нам с правом ограниченного использования (исключая точное копирование) А.В. Симоненко 17.10.1999.

³⁰ См. прим. 28.

³¹ Женское погребение по А.Б. Ашику? Сам В.В. Шкорпил был уверен, что эти вещи происходят из *того же* кургана, а в нем, как известно, было две гробницы – женская и мужская (срав. узду в женской могиле 1837 г. из той же Керчи).

³² По манере исполнения три предмета упряжи из этой коллекции различны и, видимо, не одновременны. К набору, выполненному, похоже, одной рукой, явно относятся прямоугольная и круглая бляшки с одной каменной вставкой (первая из них по керченским аналогиям синхронизируется с материалами группы 3). Дисковидная бляха с прямоугольным выступом (выполненная с новой матрицы с тонким рисунком высокого качества) наиболее близка по декоративной схеме аналогичной бляхе из Аэродрома и соотносится, скорее, с вещами группы 3.

³³ По неизвестной причине этот предмет отсутствует в основных публикациях данного комплекса (Rostovtzeff 1923; Beck, Kazanski, Vallet 1988).

³⁴ Этот наконечник (как и № 25) имеет редкий корчатый корпус.

³⁵ Прорисовка здесь дана схематично. Предмет охарактеризован как «бронзовая накладка». В нашей статье мы используем рисунок И.О. Гавритухина (таб. 5, 1).

³⁶ Судя по рисунку, А. Алфельди механически соединил три совершенно разных предмета – разновременные наконечник ремня, ремennую бляшку и рамку пряжки.

³⁷ Прорисовка А.Л. Якобсоном штампованного

декора (воспроизведенная и в других изданиях) неточна. Еще одна пряжка с прямоугольной рамкой 1-й пол. IV в., которую О.В. Шаров включает в круг подобных древностей, была найдена в склепе № 888 1897 г. в Херсонесе (серебро, золотая плакировка) (Калашник 1986: 71; рис. 3). Нам представляется, что отнесение ее к данному стилю возможно лишь *при большом допущении*. Во-первых, золотая плакировка, на которой *мог быть нанесен* (?) традиционный для изучаемого стиля штампованный орнамент, почти утеряна (на уцелевшем фрагменте края бордюра с трудом угадываются полоска зигзага). Во-вторых, *единственной* вставкой служил не красный сердолик, а *зеленое* стекло (что для вещей нашего стиля совершенно не характерно).

³⁸ По некоторым признакам близок пряжкам кат. № 25-26 экземпляр из могилы 888 1897 г. из Херсонеса (ОАК за 1897 г., с. 118, рис. 232). Прямоугольный щиток имеет бордюр с аналогичным декором. Однако, характерный для вещей нашего стиля штампованный декор в орнаментальном поле отсутствует, а вставка – из необычного зеленого камня (изумруд ?).

³⁹ Эта пряжка имеет в основном орнаментальном поле специфическое окаймление из ряда полукружий с точкой на концах, аналогия чему есть только на пряжке из Херсонеса (Кат. № 26).

⁴⁰ Мы предпочитаем называть эту форму щитка не почковидной, а овальной.

⁴¹ Сходный центральный прямоугольник из рядов вставок по 3 камня в каждом известен и на диадемах римских императоров 1-й пол. IV в.

⁴² На центральной камее представлен Амур, держащий факел пламенем вниз – символ смерти, на верхней и нижней – личины Горгоны (Древности... 1854, ч. II: 28) (по другой версии это головы Медеи: Цветаева 1968: 121). Камеи образуют центральный из трех вертикальных рядов, соединенных золотых квадратных пластин (в боковых рядах сердоликовые вставки находятся по краям). На противоположной (затылочной) части венечного фриза на золотой прямоугольной пластине с 4 сердоликами по углам изображен всадник с ритонном, стоящий перед алтарем (Там же: ч. III: таб. III, 5). Декор остальной части венечного фриза образуют листья апия (сельдерей) и геометрический орнамент. На близкой мужской диадеме из другого погребения в том же кургане (Ростовцев 1913: таб. V, 2) центральная часть с сердоликовыми вставками отсутствует, а на пластине со всадником последний изображен без алтаря, но с венком. Вероятно, и женская диадема, как и мужская, имела гнутый каркас из кедрового дерева (Древности... 1854, ч. II: 26, 28).

⁴³ О круге привлекаемых серег см. прим. 4.

⁴⁴ Уже после сдачи этой статьи в печать опубликована пара оригинальных серег хронологической группы 1 из анонимной частной коллекции (Шемаханская 2000: ил. 3, сверху), несомненно, происходящая из Юго-Западного Крыма. Их щиток каплевидной формы имеет рубчатый бордюр, *овальная* каменная вставка окаймлена гладкой полосой, в поле – штампованный орнамент в виде ряда густо размещенных точек.

⁴⁵ Вещи происходят из коллекции пожелавшего остаться неизвестным богатого киевлянина и явно связаны с грабительскими раскопками последних лет. Официально этот коллекционер выставлял, прежде всего, купленные им драгоценные церемониальные изделия из личных вещей последнего китайского императора Пу И. «Археологические» вещи, купленные у грабителей, составляли три отдельных витрины в одном из залов. Они не были включены в продававшийся каталог собрания, а разрешение на их фотографирование или точное копирование получить не удалось. Декоративная *схема* этих вещей дается в зарисовке С.А. Яценко от 18.10.1999.

⁴⁶ Исследователь могилы В.П. Бабенчиков видел в этом предмете деталь (крышку) шкатулки, а А.И. Айбабин, видимо – из-за его нахождения у пояса – щиток *поясной пряжки* (Айбабин 1994: 94). К сожалению, сама конструкция и детали силуэта предмета сразу же ставят обе трактовки под сомнение (Малашев 2000). Конструктивно сходный предмет изучаемого стиля был обнаружен *in situ* как центральный элемент ожерелья в женской могиле 3 склепа 38 в Суворово (Кат. № 42). Более ранний костяк датируется поздней монетой Константина I (306-337), то есть относится к группе 3.

⁴⁷ Подлинная внешняя серебряная (?) пластина медальона, по облику наиболее близкого приведенному здесь № 41 группы 1, опубликована уже после сдачи нашей статьи в печать и происходит из анонимной частной коллекции (Москва?) (Шемаханская 2000: 220; ил. 3, в центре). На фото низкого качества, сделанном до реставрации, можно увидеть образец почти квадратной формы (ср. № 42) с центральной необычной вставкой в виде 7-гранника; она, видимо, *вставлена позже* фальсификатором из какой-то *другой* древней вещи (как это свойственно, по данным М.С. Шемаханской, большинству предметов данной коллекции) в прорезь *овальной* формы. Центральная вставка окружена неясным овальным декоративным пояском, бордюр образует обычная полоска прямых рубчиков (?), по углам орнаментального поля – следы 4 штифтов. Фальсификатор заменил исчезнувшую пластину-подкладку смесью земли и клея (выдаваемой за металлические окислы).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
- Амброз А.К. 1974. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв. Дисс... докт. ист. наук. (Рукопись). М.
- Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Амброз А.К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. М.
- Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Т. IV.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1992. Усадьбы Та-

наиса. М.

- Ашик А.Б., 1848-1849. Боспорское царство со его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. II-III. Одесса.
- Бабенчиков В.П. 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII.
- Безуглов С.И., Захаров А.В. 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Изв. Рост. обл. Музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону.
- Безуглов С.И., Копылов В.П. 1989. Катакомбные погребения III-IV вв. н.э. на Нижнем Дону // СА. № 3.
- Безуглов С.И. 1990. Аланы-танаиты: экскурс Амми-

- на Марцеллина и археологические реалии // ИАИАИАНД в 1989 г. Вып. 9.
- Белинский И.В., Бойко А.Л. 1991. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника «Аэродром-1» // ИАИАИАНД в 1990 г. Вып. 10.
- Беспалый Е.И. 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1.
- Бетров Р.Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Голдина Р.Д. 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов.
- Головкова Н.Н. 1983. Отчет об исследованиях курганов в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9888. Альбом б.
- Гороховский Е.Л. 1987. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (О позднесарматских древностях второй половины III в.н.э. в междуречье Дона и Дуная) // Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Тезисы докладов и сообщений. Полтава.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. лесостепного Поднепровья и Побужья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.
- Гороховский Е.Л., Корниенко П.Л., 1993. Вбрання Констанція на Верхівнянському медальйоні // Археологія. № 2.
- Голофаст Л.А. 1997. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
- Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1990. О верхней дате сарматских могильников низовьев Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Эрмитаже, Т. II-III, 1854. СПб.
- Дьяченко А.Н. 1999. Исследование курганного могильника Абганерово II в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград.
- Зайцев Ю.П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г.
- Засецкая И.П. 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.
- Засецкая И.П. 1980. Изображение пантеры в сарматском искусстве // СА. № 1.
- Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв.н.э. М.
- Засецкая И.П. 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников эпохи переселения в южнорусских степях // АСГЭ. Вып. 27.
- Засецкая И.П. 1989. Проблемы сарматского звериного стиля // СА. № 3.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III.
- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.
- Засецкая И.П. 1999. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // АСГЭ. Вып. 34.
- Ильюков Л.С. 1983. Отчет об исследовании курганного могильника у х. Нового, Мартыновского района Ростовской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Альбом № 9256 е.
- Казанский М.М. 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. н.э. в понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
- Калашник Ю.П. 1986. Стекланный флакон из Херсонеса и некоторые застольные надписи // АСГЭ. Вып. 26.
- Клейн Л.С. 1976. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. Каталог выставки. Кн. 1. М.
- Лазенкова Л.М. 1999. Керченский музей древностей. Основатели // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
- Ланцов С.Б., Голенко В.К. 1999. О западной границе Боспора в IV в.н.э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи. Ростов-на-Дону (В печати).
- Мордвинцева В.И. 1996. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – 1-й пол. II в. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб. ОАК за 1894 г., 1896. СПб.
- ОАК за 1897 г. 1900. СПб.
- Ольховский В.С., Яценко С.А. 2000. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.
- Пудровский А.Е., Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. В печати. Охранные раскопки могильников Суворово и Беляево в 1995 г. // АИК в 1995 г.
- Романовская М.А. 1986. Аланское погребение из Ставрополя // КСИА. Вып. 186.
- Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии. Л.
- Симоненко А.В. 1999. Сармати Півнчного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. дисс... докт. іст. наук. Київ.
- Синицын И.В. 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского Саратовского Института краеведения. Т. VII. Саратов.
- Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Ч. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Препринт. Киев.
- Толстой И., Кондаков Н. 1889. Русские древности в памятниках искусства. Т. II. СПб.
- Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. 1999. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III-IV вв. н.э. // Боспорский

- феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.
- Уманский А.П. 1978. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Фокеев М.М. 1990. Типы сарматских могильников Бужакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Храпунов И.Н. 1994. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. IV.
- Храпунов И.Н., Масякин В.В. 1998. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. № 4.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Шаров О.В. 1995. Историко-культурные связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III – первой половине IV в.н.э. (Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб.
- Шаров О.В. 1998. Погребения сарматской знати на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. СПб.
- Шемаханская М.С. 2000. Исследование, атрибуция и реставрация частных археологических коллекций (к проблеме подделок) // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства. Материалы IV научной конференции 24-26 ноября 1998 г. М.
- Шкорпил В.В. 1910. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. Вып. 37.
- Шнадштейн Е.В. 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста.
- Цветаева Г.А. 1968. Сокровища причерноморских курганов. М.
- Юрочкин В.Ю. 1999. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье.
- Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Вып. 63. М.
- Яценко С.А. 1994. Аланы и аорсы в Северном Причерноморье в период готского вторжения: анализ тамг аристократического некрополя Пантикалея второй половины III в.н.э. // Древнее Причерноморье. // КСОАО. Вып. 2. Одесса.
- Яценко С.А. 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев.
- Яценко С.А. 2000. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв.н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград (В печати).
- Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература (В печати).
- Aibabine A. 1996. Population de Crimée au milieu du IIIe et au IVe siècle // L'identité des populations archéologiques. XVIe Rencontres Internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Sophia Antipolis.
- Alföldi A. 1934. Eine spätrömische Helmform und ihre Schicksale im Germanisch-Romanischen Mittelalter // Acta Arch. Acad. Scien. Hungaricae. 5. Budapest.
- Beck F., Kazanski M., Vallet F. 1988 La riche tombe de Karch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. а 20. Saint-Germain-en-Laye.
- Bezuglov S.I. 1995. Keso romai kori katakombas temetkezések az Also-Don-vidék sztyeppein // Studia archaeologica. I. Szeged.
- Damm I.G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwaezmeergebiet. Katalog der sammlung. Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 21. Köln.
- Germanen, Hunnen und Awaren. 1987. Schätze der Völkerwanderungszeit Germanisches Nationalmuseum (Red. W. Rühorn). Nürnberg.
- Keller E. 1971. Die spatromischen Grabgunde in Sudbayern. München.
- Klumbach H. 1973. Spätromische Gardehelme. München.
- Linan Ch., 1878. De l'orfèvrerie cloisonnée. T. 2. Paris.
- Madyda-Legutko R. 1986. Die Durtelschnallen (BAR International Series, 360). Oxford.
- Posta B. 1905. Archaeologische Studien auf Russischem Boden. Budapest; Leipzig.
- Rostovtzeff M. 1923. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch et au musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires (Dir. T. Homole, E. Mále). 26. Paris.
- Salin B. 1904. Die Altgermanische Trierornamentik. Stockholm.
- Šarov V. 1994. Eine reiches Pferdegeschirr aus Kerc // Baitrage römischer und barbarischer bewaffung im der Erstern nach chrisitlihen Jarhundert. Lublin.
- Seyrig H. 1953. Antiquités de la nécropole d'Emése // Syria 30.
- Simonenko A.V. 1995. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Móro Ferenc Múzeum Évkönyve. Szeged.
- Soupault-Becquelin V. 1999. Le cas des plaques-boucles du style polichrome // Germania. Jahr. 77. Halb. 1. Mainz.
- The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. 1991. (Catalogue). Kyoto.
- Treister M., Yatsenko S. 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1-2 nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura.
- Unbekannte Krim. 1999. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg.